

The New York Times Bestseller

ОРУДИЯ СМЕРТИ

КНИГА V

ГОРОД
ПОТЕРЯННЫХ ДУШ
КАССАНДРА КЛЭР

Сумеречные охотники

Кассандра Клэр

**Орудия смерти. Город
потерянных душ**

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Клэр К.

Орудия смерти. Город потерянных душ / К. Клэр —
«Издательство АСТ», 2012 — (Сумеречные охотники)

ISBN 978-5-17-102975-3

Клэри Фрей предстоит отправиться в самое сердце Тьмы. Затеяв опасную игру, она бросает вызов раю и аду, чтобы спасти Джейса, которого она любит больше жизни. Джейс теперь — верный слуга Тьмы и неразрывно связан с Себастьяном, который собирается уничтожить Сумеречных охотников. Только Клэри и семья Джейса считают, что его можно спасти. Будущее Сумеречных охотников зависит от успеха этой миссии. Клэри готова на все ради Джейса, даже если цена, которую придется заплатить за любовь, будет слишком высока.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-102975-3

© Клэр К., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
1	9
2	20
3	30
4	38
5	47
6	55
7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Кассандра Клэр
Орудия смерти
Книга V
Город потерянных душ

Посвящается Нао, Тиму, Дэвиду и Бену

Никто не выбирает зло во имя самого зла.

Его лишь принимают за счастье, за добро, которого ищут.

Мэри Уоллстонкрафт

Пролог

Саймон стоял, немо глядя на парадную дверь собственного дома.

Другого дома он никогда не знал. Сюда родители принесли его, когда он родился, и здесь, в стенах дома на Бруклин-роу, он и вырос. Летом играл на улице в лиственной тени деревьев, зимой мастерил самодельные снегоступы из крышек от мусорных баков. Здесь, в этом доме, его семья сидела шиву¹ после смерти его отца. Здесь же он впервые поцеловал Клэри.

Он никогда даже представить себе не мог, что настанет день – и дверь этого дома будет для него закрыта. Когда Саймон в последний раз видел свою мать, та назвала его чудовищем и умоляла уйти прочь. С помощью гламора он заставил ее забыть о том, что он теперь вампир, но не знал, как долго гламор продержится. И, стоя на холодном осеннем ветру, глядя прямо перед собой, Саймон понимал – времени не хватило.

Дверь была вся испещрена знаками: грубо нарисованные краской звезды Давида, врезанные в дерево контуры слова *Хай*² – «жизнь». К дверной ручке и молотку кто-то привязал тфилины³. *Хамса*, Рука Бога⁴, закрывала глазок.

Саймон через силу тронул металлическую мезузу, прибитую справа от двери. Он видел, как задымилась плоть там, где его рука соприкоснулась с освященным предметом, но ничего не почувствовал. Даже боли. Только жуткое, пустое ничто, медленно превращавшееся в холодную ярость.

Он пнул дверь так, что эхо от удара разнеслось по всему дому.

– Мам! – заорал Саймон. – Мам, это я!

Стук спешно задвигаемых засовов был ему единственным ответом. Обостренный слух Саймона распознал шаги матери, ее дыхание... но она не сказала ни слова. Даже сквозь дерево он чувал кисловатый, пронзительный запах ее страха.

– Мам! – голос Саймона дрогнул. – Мам, ну это вообще ни в какие ворота не лезет! Впусти меня! Это же я, Саймон!

Дверь тряхнуло так, словно мать отвесила ей пинка в ответ.

– Убирайся! – хрипло отозвалась она неузнаваемым от ужаса голосом. – Убийца!

– Я не убиваю людей, – Саймон устало прислонился лбом к двери. Он понимал, что, скорее всего, мог бы ее попросту выбить – но что бы это доказало? – Я же тебе говорил. Я питаюсь только кровью животных.

– Ты убил моего сына, – проговорила мама. – Убил его, и подменил монстром.

– Я и *есть* твой сын!

– Ты выглядишь, как он, и говоришь ты его голосом, но ты не он! Ты не Саймон! – теперь она почти кричала. – Убирайся прочь от моего дома, пока я тебя не порешила, чудовище!

– Бекки, – выговорил Саймон. Он почувствовал, что щеки у него мокрые и коснулся их, и когда отнял ладони, увидел пятна: он плакал кровавыми слезами. – Что ты сказала Бекки?

– *Держись подальше от своей сестры*, – и Саймон услышал за дверью грохот, словно что-то опрокинули.

¹ «Сидеть шиву» в иудаизме означает соблюдать особый семидневный траур по умершему. В дни шивы члены семьи покойного не выходят из дома, а также соблюдают ряд иных религиозных запретов. В числе последних – запрет сидеть на стульях, вместо них сидят на специальных низких скамеечках; отсюда и само выражение «сидеть шиву». *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Слово «жизнь», написанное на иврите, считается оберегом против зла.

³ Элемент мужского молитвенного облачения в иудаизме – две маленькие черные кожаные коробочки, внутри которых находятся пергаменты с отрывками из Торы.

⁴ Защитный амулет в форме раскрытой ладони, особенно популярный на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

– Мам, – повторил он, не в состоянии снова повысить голос: получился только хриплый шепот. Рука начинала пульсировать. – Мне надо знать, тут Бекки или нет. Мам, открой дверь. Пожалуйста...

– *Держись от Бекки подальше!* – и Саймон услышал, как она попятилась прочь. Затем раздался пронзительный скрежет открывающейся кухонной двери – его бы Саймон ни с чем не перепутал. Скрипнул линолеум под ногами матери; открылся кухонный ящик. Перед глазами вдруг встала мама, хватающаяся за нож.

Пока я тебя не порешила, чудовище.

Эта мысль вмиг заставила его отшатнуться от двери. Если мама бросится на него с ножом, сработает Метка. И уничтожит ее так же, как уничтожила Лилит.

Он уронил руку и медленно отступил прочь от двери; спотыкаясь, сошел со ступенек, двинулся через тротуар и там, наконец, прислонился к стволу одного из затенявших квартал больших деревьев. Там он и стоял – глядя на входную дверь собственного дома, отмеченную и изуродованную знаками ненависти, которую к нему питала его собственная мать.

Нет, напомнил он себе. Не к нему была эта ненависть. Мама ведь считала, что он умер. Того, что она ненавидела, не существовало в природе. *Я не то, чем она меня называет.*

Саймон не знал, как долго еще простоял бы там, таращась на дверь, если бы карман его куртки не завибрировал от телефонного звонка.

Он рефлекторно потянулся за телефоном, заметив, что узор с передней части мезузы – переплетенные Звезды Давида – отпечатались на ладони ожогом. Переложив телефон в другую руку, он прижал трубку к уху.

– Алло?

– Саймон? – это была Клэри, и, судя по голосу, она едва переводила дух. – Ты где?

– Дома, – сказал было Саймон и замолчал. – У мамы дома, – поправился он. Собственный голос показался ему пустым и отстраненным. – Ты почему еще не вернулась в Институт? Со всеми все в порядке?

– Вот поэтому я тебе и звоню, – ответила Клэри. – Сразу после того, как ты ушел, Мариза спустилась обратно с крыши, где должен был ждать Джейс. Так вот, никого там не было.

Саймон тронулся с места. Не осознавая этого толком, как механическая кукла, он двинулся вверх по улице – к входу в метро.

– В смысле – никого не было?

– Джейс исчез, – сказала она, и Саймон уловил напряжение в ее голосе. – И Себастьян тоже.

Саймон замер в тени голых ветвей дерева.

– Но Себастьян был мертв. Клэри, он умер...

– Тогда объясни мне, почему его тела там нет, потому что его там нет, – сказала она, и ее голос наконец-то дрогнул. – Там наверху вообще ничего нет, только полно крови и разбитого стекла. Они оба пропали, Саймон. Джейс пропал...

Часть первая

Нет демона иного

Любовь — колдуньи фамилльяр.

Любовь есть дьявол.

Нет демона иного, чем Любовь.

Уильям Шекспир, Бесплодные усилия любви

1

Последний Совет

– Как думаешь, долго еще ждать приговора? – спросила Клэри. Она понятия не имела, сколько они уже ждут, но, судя по ощущению, прошло часов десять. В похожей на пудреницу спальне Изабель, выдержанной в черных и кислотно-розовых тонах, часов не было – зато были кучи одежды, стопки книг, груды оружия, трюмо, заставленное сверкающими баночками с косметикой, использованные кисти для макияжа и открытые ящики, из которых так и вываливались кружевные трусики, полупрозрачные чулки и боа из перьев. Атмосфера здесь чем-то напоминала закулисье «Клетки для чудачков»⁵, но Клэри провела в этом усыпанном блестками хаосе достаточно времени, чтобы теперь находить его даже уютным.

Изабель стояла поодаль у окна, с Чёрчем на руках, и рассеянно гладила кота по голове; тот пристально и недобро смотрел на нее желтыми глазами. За стенами в полную силу бушевала ноябрьская гроза; прозрачные потеки сбегали по стеклу, как краска.

– Не очень, – медленно проговорила она. Без макияжа она выглядела совсем юной, а темные глаза казались еще больше. – Минут пять, наверное.

Клэри, примостившаяся на кровати между стопкой журналов и кучей клинков серафима, громыхавшей при каждом движении, с усилием сглотнула, безуспешно пытаясь избавиться от горького привкуса во рту. *«Я вернусь. Через пять минут»*. Вот что последним услышал от нее человек, которого она любила больше всех на свете. Теперь она боялась, что больше ему никогда ничего от нее не услышать.

Клэри помнила этот миг как наяву: сад на крыше, хрустальная октябрьская ночь; ледяная белизна звезд на безоблачном черном небе. Камни брусчатки перемазаны краской от черных рун, повсюду лужи ихора и крови. Губы Джейса на ее губах – единственное теплое нечто во всем дрожащем от холода мире. Цепочка с кольцом Моргенштернов опускается ей на шею. *Любовь, что движет солнцем и прочими светилами*. Обернуться, чтобы отыскать его взглядом, пока лифт увозит ее, снова втягивает вниз, в тени здания. В холле Клэри воссоединилась с остальными, обнимая маму, Люка, Саймона... но какая-то ее часть, как всегда, еще оставалась с Джейсом, парила над городом, стоя на крыше – одиночество вдвоем в сверкающем, ледяном электрическом городе.

Подняться в лифте на крышу, к Джейсу, и осмотреть следы ритуала Лилит выпало Маризе и Кадиру. Прошло еще десять минут, прежде чем Мариза вернулась – одна. Как только двери лифта открылись, и Клэри увидела ее лицо – испуганное, застывшее, бледное – она уже все поняла.

Все, что случилось потом, было словно сон. Толпа Сумеречных охотников бросилась к Маризе через холл; Алек оторвался от Магнуса, а Изабель одним прыжком вскочила на ноги. Один за другим вспыхивали во тьме клинки серафима; белые залпы света испарывали тень, словно вспышки фотокамер на месте преступления. Проталкиваясь вперед, Клэри слышала ломаные обрывки рассказа – сад на крыше был пуст; Джейс исчез бесследно. Стекланный гроб, в котором держали Себастьяна, кто-то разбил и распахнул настежь; всюду валялись осколки стекла. Кровь, еще свежая, капала с пьедестала, на котором прежде стоял гроб.

Сумеречные охотники быстро сошлись на том, чтобы рассредоточиться и обыскать местность вокруг здания. Был там и Магнус с полыхающими синим светом руками. Чародей обернулся к Клэри и спросил, нет ли у нее при себе какой-нибудь вещи Джейса, по которой можно было бы его выследить. Клэри покорно вручила ему кольцо Моргенштернов и спряталась в

⁵ Мюзикл и фильм по одноименной пьесе из жизни гомосексуальных артистов-мужчин, выступающих в женском образе.

угол, чтобы позвонить Саймону. Не успела она захлопнуть телефон, как голос одного из Сумеречных охотников перекрыл все остальные:

– Выследить? Это заклятие сработает, только если он еще жив. А учитывая, сколько тут крови, такое маловероятно.

Почему-то именно это оказалось последней соломинкой. Долгое переохлаждение, изнеможение и шок наконец взяли свое, и она почувствовала, как подгибаются колени. Мать подхватила ее прежде, чем Клэри рухнула наземь, и наступила темнота.

На следующее утро Клэри очнулась в своей комнате в доме Люка. Она рывком села в кровати с колотящимся, как кузнечный молот, сердцем, свято уверенная в том, что ей привиделся кошмар. Но, пока Клэри выбиралась из постели, уже начавшие заживать ссадины на руках и ногах убедили ее в обратном – равно как и отсутствие кольца на шее. Наскоро натянув джинсы и толстовку с капюшоном, она нетвердой походкой выбралась в гостиную – где с убитым видом уже сидели Джослин, Люк и Саймон.

Все было ясно без слов. И все-таки Клэри спросила:

– Его нашли? Он вернулся?

Джослин встала.

– Солнышко, его пока не нашли...

– Но и тела не нашли? Он ведь не умер? – она рухнула на диван рядом с Саймоном. – Нет... он не умер. Иначе я бы *знала*.

Она помнила, как Саймон держал ее за руку, пока Люк рассказывал все, что им было известно к тому моменту: что Джейса до сих пор не нашли, и Себастьяна тоже. Плохие новости заключались в том, что кровь на пьедестале, как выяснилось, принадлежала Джейсу. Хорошие – в том, что ее оказалось меньше, чем они сперва думали; вода из гроба разбавила кровь, создав ложное впечатление большего количества. Что бы ни произошло на крыше, теперь представлялось вполне вероятным, что Джейс в ходе этого выжил.

– Но *что* там случилось? – требовательно уточнила Клэри.

Люк покачал головой. Голубые глаза смотрели угрюмо.

– Никто не знает, Клэри.

Кровь в жилах Клэри словно превратилась в ледяную воду.

– Я хочу помочь. Хочу хоть что-то сделать. Я не собираюсь сидеть тут просто так, пока Джейс неизвестно где!

– Ну, уж об этом-то можешь не волноваться, – мрачно сказала Джослин. – Конклав желает тебя видеть.

Клэри встала, и невидимый лед затрещал в сухожилиях и суставах.

– Ладно. Какая, в конце концов, разница. Я расскажу им все, что угодно, лишь бы только они нашли Джейса.

– Ты расскажешь им все, что угодно, потому у них Меч Смерти, – с отчаянием проговорила Джослин. – Ох, маленькая моя, мне так жаль.

И теперь, спустя две недели непрерывной дачи показаний, вызовов множества свидетелей и тысяч допросов с Мечом Смерти в руках, Клэри сидела в спальне Изабель и дожидалась, чтобы Совет решил ее судьбу. Она никак не могла забыть, каково было держать Меч Смерти – словно крошечные рыболовные крючки впивались в кожу, вытягивая из тебя правду. С Мечом в руках, она опустилась на колени в Кругу Говорящих звезд и услышала, словно со стороны, собственный голос, рассказывавший Совету все: как Валентин призвал ангела Разиэля, и как она перехватила власть над ангелом, стерев имя Валентина на песке и начертав поверх него собственное. Она рассказала, как ангел предложил ей исполнить одно ее желание, и она потратила его на то, чтобы вернуть Джейса из мертвых. Рассказала, как Лилит вселилась в Джейса и собиралась воспользоваться кровью Саймона, чтобы воскресить Себастьяна, брата Клэри,

которого демоница считала своим сыном. Как Метка Каина на Саймоне прикончила Лилит, и как они решили, что Себастьян тоже мертв и больше не представляет собой угрозы.

Клэри вздохнула и открыла телефон-раскладушку, чтобы посмотреть, сколько времени.

– Они там уже час сидят, – сказала она. – Это вообще нормально? Или это плохой признак?

Изабель уронила Чёрча, который в ответ возмущенно мяукнул, подошла и присела на кровать рядом с Клэри. Как и сама Клэри, за последние две недели Изабель исхудала и теперь казалась еще тоньше обычного – но выглядела, как всегда, верхом элегантности, в черных зауженных штанах и сером бархатном топики по фигуре. Тушь черными пятнами растеклась у нее под глазами – но вместо того, чтобы стать похожей на панду, Иззи напоминала скорее французскую кинозвезду. Она потянулась, и рунные подвески на браслетах из электрума мелодично зазвенели.

– Нет, – сказала она, – не плохой, а просто признак того, что им есть что обсудить, – Изабель покрутила на пальце перстень Лайтвудов. – Все будет хорошо. Ты *не* нарушала Закон – вот что важно.

Клэри вздохнула. Лед в ее жилах не таял даже плечом к теплому плечу Изабель. Она понимала, что с формальной точки зрения не нарушила ни одного Закона, но Конклав был в ярости от того, что она сделала – и это Клэри тоже понимала. Закон запрещал воскрешать мертвых Сумеречным охотникам, но не ангелам; и, тем не менее, попросив вернуть Джейсу жизнь, Клэри совершила дерзость таких масштабов, что они с Джейсом договорились никому этого не выдавать.

Теперь же она все выдала – и Конклав пришел в бешенство. Клэри знала, что им не терпится ее наказать – за выбор, повлекший за собой столь катастрофические последствия. Какая-то часть Клэри *жаждала* наказания – пусть переломают ей кости, пусть рвут ей ногти клещами, пусть Безмолвные Братья искромсают ее мозг острыми, как клинки, мыслями! Может, хотя бы сделка с дьяволом – боль Клэри в уплату за возвращение Джейса – сработает. Это помогло бы ей простить себя за то, что она оставила Джейса тогда одного на крыше – хоть Изабель и все остальные и без того твердили ей сотню раз, что терзания Клэри яйца выеденного не стоят, что все они были так же убеждены, что на крыше Джейс в полной безопасности, и что если бы Клэри осталась, она бы, скорее всего, тоже пропала.

– Прекрати, – велела Изабель.

Какое-то мгновение Клэри не была уверена: ей это адресовано или коту. Чёрч делал то же, что и всегда, когда его роняли: лежал на спине, задрав все четыре лапы вверх, и притворялся мертвым в попытке внушить хозяевам чувство вины. Но затем Изабель смахнула в сторону черные локоны и бросила на Клэри испепеляющий взгляд; стало ясно, что выволочка предстоит вовсе не Чёрчу.

– Что прекратить?

– Мрачно размышлять обо всех тех жутких вещах, которые с тобой случатся. Ну, или которые ты *хотела бы*, чтобы случились, потому что ты жива, а Джейс... исчез.

Голос Изабель дрогнул, как игла на заевшей пластинке. Она никогда не говорила о Джейсе как о мертвом или хотя бы пропавшем без вести – они с Алеком отказывались допускать такую возможность. И Изабель ни разу не упрекнула Клэри за то, что они с Джейсом хранили такой огромный и страшный секрет. Все это время, в сущности, именно Изабель была ее самым верным защитником: каждый день она встречала Клэри у дверей Зала Совета, крепко брала под руку и вела мимо гневно косящихся на них, перешептывающихся Сумеречных охотников. Она терпеливо ждала, пока не закончатся бесконечные допросы Клэри Советом, и бросала убийственные взгляды на всякого, кто отваживался косо на ту взглянуть. Клэри это ошеломило. Они с Изабель никогда не были особенно близки: обе принадлежали к тому типу

девушек, что куда лучше чувствуют себя в окружении парней, чем в женской компании. Но Изабель ее не бросила. Клэри была столь же изумлена, сколь и благодарна.

– Ничего не могу поделать, – сказала Клэри. – Если бы мне разрешили пойти в патруль – если бы мне разрешили *хоть что-то* сделать – наверное, мне было бы не так плохо.

– Не знаю, – устало отозвалась Изабель. В последние две недели они с Алеком выбивались из сил, с серыми от изнеможения лицами возвращаясь из шестнадцатичасовых патрулей и поисковых операций. Когда Клэри узнала, что ей запрещено патрулировать или каким угодно другим образом разыскивать Джейса (пока Совет не решит, что делать с его воскрешением), она так пнула дверь своей спальни, что пробила в той дыру.

– Порой это кажется таким тщетным, – прибавила Изабель.

Лед затрещал в костях Клэри сверху донизу.

– Ты что, думаешь, что он мертв?

– Нет, не думаю. Я думаю, что они по-любому уже не в Нью-Йорке.

– Но они ведь и в других городах патрулируют, правильно? – Клэри поднесла руку к шее, забыв, что кольца Моргенштернов на цепочке больше нет. Магнус все еще пытался выследить Джейса, хотя ни одно поисковое заклятие до сих пор не сработало.

– Ну конечно, – Изабель с любопытством протянула руку и коснулась изящного серебряного колокольчика, что висел теперь на цепочке у Клэри вместо кольца. – А это что?

Клэри замаялась. Колокольчик ей подарила Королева Благого двора. Нет, не так; Королева фэйри никогда ничего не *дарила*. Колокольчик предназначался для того, чтобы дать Королеве Благого двора знак, что Клэри нужна ее помощь. И чем больше дней проходило без следа Джейса, тем чаще Клэри замечала, что ее рука рассеянно блуждает вокруг колокольчика. Единственным, что останавливало Клэри, было знание, что Королева Благого двора никогда ничего не давала, не рассчитывая получить взамен нечто ужасное.

Прежде, чем Клэри успела ответить, дверь отворилась. Обе девушки тут же уселись навтыжку, и Клэри вцепилась в одну из розовых подушек Иззи так крепко, что нашитые на подушку стразы впились ей в ладони.

– Эй, – кто-то стройный шагнул в комнату и захлопнул за собой дверь.

Алек, старший брат Изабель, был в облачении Совета – черной мантии, расшитой серебряными рунами, которая теперь распахнулась и открывала миру джинсы и черную футболку с длинным рукавом. Весь этот черный цвет делал кожу Алека еще бледнее, а сапфирово-синие глаза – еще ярче. Волосы у него были черные и прямые, как у его сестры, но короче, обрезанные четко над линией челюсти. Губы Алека сжались в тонкую линию.

У Клэри лихорадочно забилось сердце. Счастливым Алек не выглядел. Каковы бы ни были новости, хорошими они быть не могли.

Первой молчание нарушила Изабель.

– Как все прошло? – тихо спросила она. – Каков приговор?

Алек уселся верхом на стуле перед трюмо, глядя на Иззи и Клэри поверх его спинки. В любое другое время это выглядело бы комично – Алек был очень высоким, с длинными ногами танцора, и от того, как он согнулся на стуле в три погибели, тот стал похож на кукольную мебель.

– Клэри, – сказал он, – Цзя Пенхоллоу вынесла приговор. Ты оправдана по всем пунктам обвинения. Ты не нарушила ни одного Закона, и Цзя полагает, что ты и без того уже достаточно наказана.

Изабель громко выдохнула и улыбнулась. На краткий миг чувство облегчения пробило сквозь толщу льда, сковывавшего все чувства Клэри. Ей не грозило быть наказанной, запертой в Городе безмолвия, пойманной в клетку, из которой никак нельзя было бы помочь Джейсу. Люк, представитель оборотней в Совете, присутствовал при оглашении приговора и обещал позвонить Джослин, как только собрание закончится, но Клэри все равно потянулась к теле-

фону; перспектива для разнообразия сообщить маме хорошие новости была очень уж соблазнительна.

– Клэри, – прервал ее Алек, стоило ей откинуть крышку телефона, – подожди.

Клэри подняла на него глаза. Выражение лица Алека все еще было серьезным как у гробовщика. С внезапным дурным предчувствием Клэри положила телефон обратно на кровать.

– Алек... что случилось?

– Совет так задержался не из-за твоего приговора, – сказал Алек. – Имелся еще один предмет для обсуждения.

Лед вновь сковал ее по рукам и ногам. Клэри передернуло.

– Джейс?

– Не совсем, – Алек подался вперед, сложив руки на спинке стула. – Рано утром пришло сообщение из Института в Москве. Вчера был пробит барьер над островом Врангеля. Они послали туда ремонтников, но чтобы такой важный барьер так надолго вышел из строя... это для Совета в приоритете.

Барьерами – которые служили, насколько понимала Клэри, своего рода системой магических заборов – всю Землю окружило еще первое поколение Сумеречных охотников. Демоны могли их обойти, но с большим трудом, так что большую часть демонических орд барьеры все же удерживали на расстоянии, защищая мир от масштабного демонического вторжения. Она припомнила, что Джейс рассказывал ей когда-то (теперь казалось, годы назад): «Пока случались только малые демонические вторжения, которые легко было подавить. Но даже на моей памяти сквозь барьеры просачивалось чем дальше, тем больше демонов».

– Ну, это скверно, – признала Клэри. – Но не понимаю, при чем тут...

– У Совета свои приоритеты, – перебил Алек. – Последние две недели поиски Джейса и Себастьяна были приоритетом номер один. Но они все только что через сито не просеяли, и ни в одном закоулке Нижнего мира не нашли и следа. У Магнуса не сработало ни одно заклятие поиска. Элоди, которая вырастила настоящего Себастьяна Верлака, подтвердила, что никто не пытался с ней связаться. Да и вряд ли бы они на это пошли. Ни один соглядатай не сообщал о какой бы то ни было необычной активности известных нам членов прежнего Круга Валентина. И Безмолвные Братья не в состоянии выяснить точно, какую цель преследовал ритуал Лилит и достиг ли он ее. Общее мнение таково, что Себастьян – ну, они его, конечно, называют Джонатаном – похитил Джейса, но мы и так это знали.

– И что в итоге? – осведомилась Изабель. – Что все это значит? Будем активнее его искать? Больше патрулировать?

Алек покачал головой.

– Расширение поисковой операции даже не обсуждается, – сказал он. – Наоборот, они понижают ее приоритет: группы специального назначения, прибывшие из Идриса на подмогу, отправляют обратно. Сейчас на первом месте ситуация с барьером. Кроме того, у Совета идут сложные переговоры о внесении в Законы новых поправок, чтобы с их помощью провести выборы и назначить новых Консула и Инквизитора, урегулировать регламент отношений с обитателями Нижнего мира – они полностью сосредоточены на этих делах, и не хотят отвлекаться на что-либо еще.

Клэри потрясенно уставилась на Алека.

– Не хотят отвлекаться от изменения старых идиотских законов ради Джейса? Они *сдались*?

– Не сдались, но...

– Алек, – оборвала его Изабель.

Он тяжело вздохнул и закрыл лицо руками. Пальцы у Алека были такие же длинные, как у Джейса, и тоже в шрамах. На правой руке тыльную сторону ладони украшал Глаз – Метка Сумеречных охотников.

– Клэри, для тебя... для нас – с самого начала важнее всего были поиски Джейса. Для Конклава самое главное – найти Себастьяна. Джейса тоже, но Себастьяна – в первую очередь. Он очень опасен: разрушенные барьеры в Аликанте – его рук дело. Он массовый убийца, а Джейс...

– Всего лишь один из Сумеречных охотников, – продолжила за него Изабель, – которые то и дело умирают или пропадают без вести.

– Он – Герой Смертельной войны, и на особом положении, хотя это ничего не меняет – признал Алек. – Конклав ясно дал понять: поиски продолжатся, но надо подождать – есть мнение, что Себастьян скоро проявит себя. Ну а пока они рекомендуют нам вернуться к нормальной жизни.

К нормальной жизни? Клэри было невдомек: как можно жить нормально без Джейса?!

– То же самое они нам сказали, когда погиб Макс, – произнесла Иззи. Ее черные глаза пылали яростью, – сказали, мы быстрее оправимся от горя, если вернемся к нормальной жизни.

– Они считают, это хороший совет, – проговорил Алек, не отводя рук от лица.

– Ага, скажи это папе. Он хоть приехал из Идриса на собрание?

Алек покачал головой и бессильно уронил руки.

– Нет. Если вас это хоть как-то утешит – многие на собрании настаивали на том, чтобы продолжать поиски Джейса: Магнус, Люк, Консул Пенхоллоу, даже Брат Захария. Но, видимо, их мнения недостаточно.

Клэри пристально смотрела на него.

– Алек, – сказала она. – Ты что, ничего не чувствуешь?

Глаза Алека расширились и потемнели, и в этот миг Клэри вспомнила мальчишку с обгрызенными ногтями в рваном свитере, который ненавидел ее, когда она впервые появилась в Институте.

– Я знаю, Клэри, ты расстроена, – сказал он возмущенно, – но если ты думаешь, что мы с Из меньше переживаем за Джейса, чем ты...

– Я не об этом, – перебила его Клэри. – Я про вашу связь *парабатай*. В Кодексе написано об этом заклятии: двое *парабатаев* связаны друг с другом навечно. Ты можешь чувствовать то же, что и Джейс – это помогает вам в боях. А я подумала, ведь ты можешь чувствовать, жив он еще или нет?

– Клэри, – забеспокоилась Изабель – я думала, ты не...

– Он жив, – осторожно произнес Алек. – Думаешь, я бы вел себя так спокойно, будь он мертв? С ним что-то *не так*, – и это все, что я чувствую. Но знаю точно, он еще дышит.

– А это «не так» может означать, что он в плену? – тихо спросила Клэри.

Алек задумался, глядя на серую пелену дождя за окном.

– Не исключено. Трудно сказать. Я раньше не чувствовал ничего подобного.

– Но он жив?

Алек пристально посмотрел ей в глаза.

– Жив, я в этом уверен.

– Тогда к черту Совет! Мы сами его разыщем, – сказала Клэри.

– Клэри... если бы это было возможно... ты же не думаешь, что мы бы до сих пор... – начал Алек.

– Мы делали то, что требовал Конклав, – возразила Изабель. – Поиск, патрули... Но есть и другие способы.

– Противозаконные способы, – ехидно заметил Алек. Клэри испугалась, что он начнет цитировать девиз Сумеречных охотников, который они вспоминали всякий раз, когда речь заходила о Законе: «*Sed lex, dura lex*». «Закон суров, но это Закон». Этого бы она уже не вынесла.

– Королева фей предложила мне свою помощь на празднике фейерверка в Идрисе, – сказала Клэри и сердце ее сжалось от воспоминания об этом счастливом вечере. С трудом переведя дыхание, она добавила, – Я также знаю способ, как с ней связаться.

– Королева Фей просто так не помогает.

– Я знаю, и отплачу, что бы она ни попросила взамен, – Клэри вспомнила слова феи, вручившей ей колокольчик: *«Ты ведь сделала бы что угодно, чтобы спасти его? Услужила бы и Аду, и Раю – не так ли?»* Я только хотела бы, чтобы кто-нибудь из вас пошел со мной, а то я плохо понимаю язык фей. Не хотелось бы попасть бы в переделку без существенных на то причин. А вот если Королева и вправду может чем-нибудь помочь...

– Я с тобой, – сразу же ответила Изабель.

Алек мрачно посмотрел на сестру.

– Мы уже беседовали с феями. Совет допросил их. А лгать они не могут.

– Совет спрашивал, знают ли они, где Джейс и Себастьян, – возразила Клэри, – а согласятся ли феи их искать – не спрашивал. Королева знала про моего отца, знала об ангеле, которого он призвал и пленил, знала всю правду о моей и Джейса крови. Думаю, в мире нет ничего, о чем бы она не знала.

– Твоя правда, – сказала Изабель, слегка оживившись. – Ты же знаешь, Алек: чтобы получить от фей нужную информацию, надо задавать им правильно сформулированные вопросы. Их очень сложно допрашивать, несмотря на то, что они обязаны говорить правду. А вот услуга фей, их возможности – безграничны.

– Как и опасность, которую они представляют – безграничная, – парировал Алек. – Если бы Джейс узнал, что я отпустил Клэри к Королеве Фей...

– Ничего, – перебила Клэри. – Он бы ради меня на это пошел. Только попробуй сказать, что нет. Вот если бы я пропала...

– Он бы весь мир спалил дотла, чтобы выкопать тебя из пепла. Да знаю я, знаю, – устало произнес Алек. – Черт подери, ты что, думаешь, мне *не* хочется сжечь все дотла? Я просто стараюсь вести себя как...

– Как старший брат, – закончила Изабель. – Понимаю.

Казалось, Алек из последних сил сохраняет самообладание.

– Если с тобой что-нибудь случится, Изабель... после Макса, и Джейса...

Иzzi поднялась на ноги, подошла к брату и обняла его. Их темные волосы сплелись, когда Изабель зашептала что-то Алеку на ухо. Клэри смотрела на них с грустью. Она всегда хотела, чтобы у нее был брат, и когда он наконец-то появился – им оказался Себастьян. Это было примерно как, если бы она всю жизнь хотела щенка, а ей вручили адскую гончую. Алек нежно потрепал Изабель по волосам, и кивнув, отпустил сестру.

– Мы пойдем все, – объявил он. – Но я должен предупредить Магнуса о нашей затее, иначе будет нечестно.

– Хочешь позвонить с моего? – предложила Изабель, протягивая брату старый розовый телефон.

Алек покачал головой.

– Он ждет внизу вместе с остальными. Тебе, Клэри, тоже придется объясниться с Люком – он ждет, что ты отправишься с ним домой. Говорит, твоя мать крайне болезненно перенесла все случившееся.

– Она винит себя в существовании Себастьяна, – Клэри встала с кровати. – Даже несмотря на то, что все эти годы она думала, что он умер.

– Она тут ни при чем, – Изабель сняла золотой хлыст со стены и намотала его на руку; на запястье он смотрелся как сверкающие браслеты. – Ее никто не обвиняет.

– Это не имеет значения, если сам себя винишь, – сказал Алек.

Все трое молча прошли коридорами Института, в которых на удивление было много других Сумеречных охотников – некоторые были членами специальной комиссии, присланной из Идриса. Никто из них не смотрел с любопытством ни на Изабель, ни на Алека, ни на Клэри. Раньше Клэри переживала из-за повышенного интереса к своей персоне, когда приходилось слышать за спиной «...дочь Валентина», но с тех пор ей столько раз приходилось стоять против Совета, что косые взгляды и перешептывания ее больше не волновали.

Они спустились на лифте. Неф Института был ярко освещен колдовским огнем и свечами. Члены конклава с семьями заполняли все помещение. Люк и Магнус разговаривали, сидя на одной из церковных скамеек; рядом с ними сидела высокая синеглазая женщина, похожая на Люка как две капли воды. Ее волосы были завиты и покрашены в каштановый цвет, но Клэри все же догадалась, что это сестра Люка – Аматис.

При виде Алека Магнус вскочил и подошел поговорить с ним; Иззи узнала кого-то в дальнем проходе и бросилась туда со всех ног, по обыкновению не сказав, куда направилась. Клэри пошла поприветствовать Люка и Аматис; оба они выглядели уставшими, и Аматис сочувственно хлопывала брата по плечу. Завидев Клэри, Люк поднялся и обнял ее, Аматис поздравила Клэри со снятием обвинений в суде – та лишь кивнула. Какая-то часть Клэри словно онемела, она была безучастна к происходящему вокруг и отвечала машинально.

Краем глаза она видела Алека и Магнуса: они стояли обнявшись, и увлеченно общались друг с другом, совершенно не замечая окружающих. Она была рада видеть их счастливыми, но в то же время ей было больно. Суждено ли ей еще когда-нибудь в жизни испытать подобное? Или хотя бы захотеть вновь полюбить кого-то? Она вспомнила голос Джейса: *Я не хочу, чтобы мне был нужен кто-то, кроме тебя.*

– Земля вызывает Клэри, – отвлек ее от грустных мыслей Люк. – Пойдем домой? Маме не терпится тебя увидеть, и еще ей хотелось бы пообщаться с Аматис пока та не уехала обратно в Идрис. Я тут подумал, может, поужинаем где-нибудь? Ресторан на твой выбор.

Он старался скрыть свое беспокойство, но Клэри поняла, что его тревожит: в последнее время она почти не ела, и одежда уже болталась на ней.

– Нет настроения праздновать, после того как Совет решил прекратить поиски Джейса, – призналась она.

– Клэри, они не прекратили поиски, просто пока не станут искать, – возразил Люк.

– Знаю. Просто... это выглядит как, будто цель поисковых операций найти не пропавших без вести, а трупы. – Она сглотнула. – Я собиралась поужинать у Таки с Изабель и Алеком. Надо же заняться чем-то нормальным.

Аматис взглядом указала на дверь.

– Там вообще-то льет как из ведра.

Губы Клэри растянулись в улыбке. Интересно, подумала она, насколько фальшиво выглядит ее наигранная мимика со стороны?

– Не растаю.

Люк положил в ее руку свернутые купюры. Намерение Клэри заняться чем-то нормальным – например, встретиться с друзьями – его явно успокоили.

– Только пообещай, что поешь что-нибудь.

– Ладно, – преодолевая болезненный укол совести, Клэри нашла силы улыбнуться Люку искренне, и отвернулась.

Магнуса и Алека не было на прежнем месте. Озираясь по сторонам, Клэри заметила в толпе черные локоны Иззи. Та стояла у больших дверей Института и беседовала с кем-то, кого Клэри не видно не было. Она направилась к Изабель, и приблизившись к ней, с удивлением узнала Алину Пенхоллоу. Блестящие черные волосы Алины были стильно подстрижены до плеч. Рядом с нею стояла худощавая девушка с кудрявыми волосами цвета белого золота; светлые локоны были зачесаны назад, открывая слегка заостренные уши. Она была одета в ман-

тию Советника, и при ближайшем рассмотрении оказалось, что ее глаза были необычайного голубовато-зеленого цвета, и Клэри впервые за две недели почувствовала желание взять в руки карандаши.

– Должно быть, странно, когда твою мать назначают новым Консулом, – говорила Изабель Алине. Не то что бы Цзя была намного лучше, но... О, Клэри! Алина, ты же помнишь Клэри?

Девушки кивнули друг другу. Однажды Клэри застала Алину за поцелуем с Джейсом. В тот момент ей было очень больно, а сейчас она была бы только рада видеть Джейса целующимся с другой, лишь бы тот был жив.

– А это *девушка* Алины, Хелен Блэкторн, – продолжила Изабель, сделав ударение на слове «девушка». Клэри посмотрела на подругу многозначительно: ты меня за идиотку принимаешь? Она помнила, как Алина объясняла ей, что поцеловала Джейса исключительно ради эксперимента, чтобы проверить, чувствует она что-нибудь к парням или нет. Судя по всему, результат был отрицательным. – Семья Хелен возглавляет Институт в Лос-Анджелесе. Хелен, это Клэри Фрей.

– Дочь Валентина? – удивилась Хелен.

Клэри поморщилась.

– Я предпочитаю об этом не вспоминать.

– Извини. Понимаю, – Хелен покраснела. Ее кожа была очень бледной и слегка блестела, словно жемчужина. – Кстати, я голосовала за то, чтобы Совет продолжил поиски Джейса. Мне жаль, что большинство было против.

– Спасибо, – поблагодарила Клэри и отвернулась к Алине, чтобы не продолжать этот разговор. – Поздравляю с назначением твоей матери Консулом. Это, наверное, очень волнительно.

Алина пожала плечами.

– Просто теперь она еще больше занята, – она обернулась к Изабель. – Ты в курсе, что твой отец выдвинул свою кандидатуру на пост Инквизитора?

Клэри почувствовала, как Изабель замерла.

– Нет, я этого не знала.

– Я сама удивилась, – добавила Алина. – Думала, он управление Институтот для него важнее всего... – она замолчала, глядя за спину Клэри. – Хелен, кажется, твой брат пытается сделать самую большую в мире лужу растопленного воска. Ты не хочешь его остановить?

Хелен вздохнула, пробормотала что-то про двенадцатилетних мальчишек и исчезла в толпе. В тот же миг из толпы показался Алек. Он обнял Алину, и Клэри вспомнила, что Лайтвуды и Пенхоллоу дружат уже много лет.

– Это твоя девушка? – спросил Алек, глядя на Хелен в толпе.

– Хелен Блэкторн, – кивнула Алина.

– Я слышал, у них в роду были феи, – заметил Алек.

«Ах вот оно что», – подумала Клэри. Теперь понятно, почему у нее заостренные уши. Гены нефилимов были сильнее, поэтому у феи и Сумеречного охотника обычно рождался Сумеречный охотник, но иногда кровь феи могла проявляться самыми неожиданным образом даже спустя несколько поколений.

– Были, – сказала Алина. – Послушай, Алек, я должна тебя поблагодарить.

– За что? – удивился он.

– За то, что ты сделал в Зале Соглашений, – объяснила Алина. – Взял и поцеловал Магнуса. Это придало мне уверенности, чтобы признаться родителям... о моей ориентации. Если бы я тогда им не призналась, мне бы не хватило смелости открыться Хелен, когда я с ней познакомилась.

– Ого, – Алекс был явно потрясен ее словами, он не думал, что его поступки могли повлиять на кого-то, кроме родственников. – И как твои родители... как они это приняли?

Алина закатила глаза.

– Ну, они игнорируют этот факт – думают, если об этом не говорить – все пройдет. Клэри вспомнила слова Изабель об отношении Конклава к гомосексуальным отношениям: «Лучше никому не рассказывайте об этом». – Но могло быть и хуже.

– Это точно, могло быть куда хуже, – мрачно согласился Алек.

Лицо Алины выражало сочувствие.

– Мне очень жаль, – начала она. – Если твои родители не...

– Они нормально к этому относятся, – резко сказала Изабель.

– Думаю, мне не стоило поднимать эту тему сейчас, когда пропал Джейс. Вы, должно быть, все очень переживаете за него, – Алина глубоко вздохнула. – Я знаю, что вам наговорили много всяких глупостей о нем. Наверное, им больше не о чем сказать. Я просто... я хотела бы кое-что вам рассказать, – она придвинулась поближе к Лайтвудам и Клэри, и, понизив голос, продолжила, – Алек, Иззи, помните, вы однажды гостили у нас в Идрисе? Мне было тринадцать, а Джейсу, по-моему, двенадцать лет. Он очень хотел посмотреть Броселиндский лес, и однажды мы одолжили лошадей и поехали туда. Ну и заблудились. Броселинд – это непролазная чаща. Стало темнеть, лес становился все гуще, я была очень напугана, думала, мы не выберемся оттуда живыми. Но Джейс был спокоен и нисколько не сомневался, что мы найдем дорогу назад. Мы блуждали несколько часов, но в конце концов Джейс вывел нас из леса. Я была ему так благодарна! А он смотрел на меня как на сумасшедшую, не понимая, что тут такого – мы бы в любом случае вернулись домой. Вероятность неудачи даже не рассматривалась. Я хочу сказать – он обязательно вернется к тебе. Я это знаю.

Клэри никогда не видела Иззи плачущей, но сейчас та явно старалась сдержать слезы: ее глаза расширились и предательски блестели. Алек смотрел на свои ботинки. Клэри почувствовала, как скорбь начинает овладевать ею, но усилием воли подавила нахлынувшие эмоции; она не хотела представлять себе двенадцатилетнего Джейса, заблудившегося в лесу – воображение тут же рисовало Джейса нынешнего, потерявшегося где-то во тьме, пойманного в ловушку и ждущего ее помощи – слишком мучительно было думать об этом.

– Алина, – произнесла она, видя, что Изабель и Алек не могут говорить. – Спасибо тебе. Алина смущенно улыбнулась.

– Я правда так думаю.

– Алина! – Хелен крепко держала за руку мальчишку, вымазанного синим воском. Судя по всему, он играл со свечами в исполинских канделябрах, украшавших своды нефа. На первый взгляд, ему было лет двенадцать; хитрая улыбка и невероятные сине-зеленые глаза были в точности как у сестры, только волосы темно-каштановые. – Наверное, нам стоит уйти, пока Джулс тут все не разгромил. И хотелось бы знать, куда делись Тибс и Ливви.

– Они ели воск, – услужливо сообщил Джулс.

– О боже, – простионала Хелен и приняла извиняющийся вид. – Не обращайтесь внимания. У меня шестеро младших братьев и сестер, и еще старший. С ними вечно как в зоопарке.

Джулс перевел взгляд с Алека на Изабель, потом посмотрел на Клэри.

– А у тебя сколько братьев и сестер? – спросил он.

Хелен побледнела.

– Нас трое, – на удивление спокойно ответила Изабель.

Джулс не сводил глаз с Клэри.

– Ты на них не похожа.

– Я им не родственница, – сказала Клэри. – У меня нет ни братьев, ни сестер.

– Ни одного? – с недоверием переспросил Джулс, как будто Клэри ему сообщила, что у нее вместо ног рыбий плавник. – Ты поэтому такая грустная?

Клэри вспомнила о Себастьяне: его белые как снег волосы и черные глаза. «Ах, если бы у меня и правда не было брата – не случилось бы всего этого кошмара». Вспышка ненависти разогрела ее ледяную кровь.

– Да, – ответила она, – поэтому я такая грустная.

2

Шипы

Саймон ждал Клэри, Алека и Изабель возле Института, тщетно пытаясь спрятаться от дождя под каменным выступом. Мокрые волосы налипли ему на лоб и шею. Когда Клэри вышла из дверей, он откинул их с лица и вопросительно посмотрел на нее.

– Меня оправдали, – сказала она. Саймон хотел было улыбнуться, но Клэри продолжила, – поиски Джейса приостановлены. И я почти уверена, что они считают его мертвым.

Саймон посмотрел на свои мокрые джинсы и футболку с надписью «Очевидно, Я ПРИНИМАЛ неправильные РЕШЕНИЯ», и покачал головой.

– Мне жаль.

– Это Конклав, – произнесла Изабель. – Странно было бы ожидать от него чего-то иного.

– *Basia coquum*, – сказал Саймон. – Или что там у них за девиз.

– Девиз – «*Descensus Averno facilis est*», «Дорога в ад легка», – уточнил Алек. – А ты сейчас сказал: «Поцелуй повара».

– Черт, – выругался Саймон. – Так я и знал, что Джейс надо мной прикалывается, – влажные темные волосы вновь упали ему на глаза; он отбросил их нетерпеливо, и Клэри заметила, как сверкнул серебристый отблеск Метки Каина у него на лбу. – И что теперь будем делать?

– Теперь идем к Королеве фей, – сказала Клэри. Касаясь колокольчика на шее, она рассказала Саймону о визите Кейли к Люку и о Джослин, которая пообещала Клэри, что Королева ей поможет.

Саймон недоверчиво посмотрел на Клэри.

– Это та рыжая леди с мерзким характером, которая заставила тебя поцеловать Джейса? Мне она не понравилась.

– Так *вот* что ты про нее запомнил? Что она заставила Клэри поцеловать Джейса? – Изабель была явно раздражена. – Королева фей опасна. В тот раз была безобидная игра. Обычно она развлекает себя тем, что доводит людей до буйного помешательства.

– Я не человек, – отрезал Саймон. – Уже не человек.

Он бросил на Изабель короткий взгляд, прежде чем обернуться к Клэри.

– Хочешь, я пойду с тобой?

– Думаю, ты бы там пригодился. Дневной, Метка Каина... эти вещи могут впечатлить даже Королеву.

– Я бы не стал на это рассчитывать, – возразил Алек.

Клэри спросила:

– Где Магнус?

– Он сказал, буде лучше, если он не пойдет. Судя по всему, у них с Королевой фей свои отношения.

Изабель удивленно подняла брови.

– Не в этом смысле, – раздраженно поправил Алек. – Какие-то старые счета. Хотя, – добавил он вполголоса, – если учесть, какой образ жизни он вел до меня, я не удивлен.

– Алек! – Изабель с братом отошли поговорить. Клэри открыла зонтик. Этот зонт, с нарисованными динозаврами, Саймон купил ей много лет назад в Музее естественной истории. Клэри заметила, что Саймон узнав его, заулыбался.

– Пройдемся? – осведомился он и предложил ей руку.

Дождь не прекращался, в канавах бежали ручейки, а из-под колес проезжающих такси фонтанами взлетала вода. Странно, подумал Саймон, хоть он и не чувствует холода, быть мок-

рым и липким все равно раздражает. Он взглянул на Алека и Изабель; с тех пор, как они вышли из Института, Изи ни разу не посмотрела ему в глаза, и ему было интересно, о чем она сейчас думает. Казалось, ей действительно хочется пообщаться с братом, и когда они остановились на углу Парк-авеню, Саймон расслышал, как Изабель сказала:

– Что ты думаешь насчет папиного выдвижения на пост Инквизитора?

– Думаю, это очень скучная работа.

Изабель держала прозрачный пластиковый зонтик, украшенный ярким цветочным принтом: Саймон никогда в жизни не видел ничего более девчачьего, поэтому понял Алека, который предпочел идти под дождем.

– Понятия не имею, зачем она ему нужна.

– Да плевать, что она *скучная*, – прошипела Изабель. – Если он ее примет, он все время будет в Идрисе. Типа, *все время*. Он не может и руководить Институтом, и быть Инквизитором. Нельзя находиться на двух постах одновременно.

– Если ты не заметила, Из, он и так все время в Идрисе.

– Алек... – остаток слов утонул в шуме машин, рванувших на зеленый сигнал светофора, выплескивая дождевую воду с дороги на тротуар. Клэри увернулась от ледяной струи и чуть не налетела на Саймона. Тот поймал ее за руку, чтобы девушка не упала.

– Извини, – сказала Клэри. Ее рука в ладони Саймона казалась маленькой и холодной. – Я что-то отвлеклась.

– Понимаю, – Саймон постарался скрыть тревогу в голосе. Последние две недели она постоянно «отвлекалась». Первое время Клэри плакала, потом злилась – на то, что не может присоединиться к патрулю по розыску Джейса; на бесконечные допросы в Совете; на то, что фактически стала узницей Конклава под домашним арестом. Но больше всего она злилась на себя за то, что не в силах придумать руну, которая могла бы помочь. Ночи напролет Клэри сидела за столом, сжав в руке стил, что Саймон боялся, что оно просто сломается. Она пыталась представить, где находится Джейс, но ничего не получалось.

Она стала выглядеть старше, подумал Саймон, когда они вошли в парк через пролом в каменной стене на Пятой авеню. Она не выглядела хуже, но была уже не та девушка, с которой он вошел в клуб «Пандемониум» тем судьбоносным вечером. Клэри повзрослела, но дело было не только в этом. Выражение лица стало строже, походка грациознее и увереннее, а ее зеленые глаза смотрели прямо, а не бегали рассеянно. Она стала очень похожа на Джослин, с удивлением понял Саймон.

Под ветвями деревьев, которые укрывали от дождя, Изабель и Клэри остановились, и прислонили к стволам сложенные зонтики. Клэри сняла цепочку, и колокольчик скользнул в ее ладонь. Он очень серьезно обвела взглядом своих спутников.

– Это риск, – сказала она, – и я практически уверена, что, если я на него решусь, обратного пути не будет. Так что, если кто-то из вас не хочет идти со мной – все в порядке, я пойму.

Саймон молча положил свою руку на ее руку. Думать было не о чем: куда Клэри – туда и он. Вместе им пришлось пройти немало испытаний, и теперь не могло быть иначе. Вслед за Саймоном протянула руку Изабель, и последним – Алек; дождевики капали с его длинных черных ресниц, словно слезы, но выражение лица было решительным. Все четверо взяли за руки, и стояли минуту, прижав друг у другу головы.

Затем Клэри позвонила в колокольчик.

Весь мир пошел кругами – не так как в водовороте Портала, подумала Клэри, а как будто сидишь на карусели, и та вращаться все быстрее и быстрее. Кружилась голова, не хватало воздуха, потом неприятные ощущения исчезли – и Клэри обнаружила, что снова стоит, держась за руки с Изабель, Алеком и Саймоном.

Клэри огляделась по сторонам. Она уже бывала здесь раньше – в темно-коричневом мерцающем коридоре, словно вырезанном из камня тигровый глаз. Гладкий пол, отшлифованный за тысячи лет ножками фей. Маленькие огоньки на стенах тускло освещали помещение, а в конце прохода висела большая разноцветная штора и колыхалась будто от ветра – но откуда здесь, под землей, ветер? Клэри подошла ближе, и увидела, что штора сшита из бабочек. Некоторые из них были живы, и отчаянно пытались вырваться – вот почему завеса колыхалась словно от морского бриза.

У Клэри подкатил комок к горлу.

– Привет! – крикнула она. – Здесь есть кто-нибудь?

Завеса с шорохом отодвинулась, и в зал в вошел рыцарь фей Мелиорн, на груди слева у него теперь красовался знак из четырех букв «С». Точно такой же был у Люка, и это значило, что Мелиорн стал членом Совета. На лице рыцаря, под зелеными, как листья глазами, был свежий шрам.

Мелиорн холодно поприветствовал Клэри.

– Не пристало говорить Королеве фей фамильярное человеческое «Привет», – завил он, – словно служанку. Следует говорить: «Рада встрече».

– Но мы же еще не встретились, – сказала Клэри. – Я даже не знаю, здесь ли она.

Мелиорн поглядел на нее с презрением.

– Если бы Королева отсутствовала или не была готова вас принять, звон колокольчика не перенес бы вас сюда. А теперь следуйте за мной...

Клэри позвала жестом остальных, и пошла за Мелиорном. Пробираясь через занавес из агонизирующих бабочек, вжала голову в плечи, стараясь не задеть ни одно крылышко.

Они вошли в покои Королевы. Клэри удивленно заморгала. Теперь здесь все выглядело совершенно не так, как во время ее прошлого визита. Королева возлежала на бело-золотом диване, пол в зале напоминал большую шахматную доску. С потолка угрожающе свисали шипы, на каждом острие светился маленький блуждающий огонек; их мерцание было очень слабым, перед тем как погаснуть навсегда, озаряя помещение из последних сил.

Мелиорн встал рядом с Королевой; кроме него, в комнате не было ни одного придворного. Королева медленно села, опустив ноги с дивана. Она была прекрасна: в тонком платье, сотканном из серебряных и золотых нитей, волосы ее словно розовая медь струились по плечам. Королева аккуратно откинула локон за белоснежное плечо. Клэри стало любопытно, для кого она так нарядилась. Из всех присутствующих ее красота могла тронуть разве что Саймона, но он Королеву ненавидел.

– Рада встрече, нефилим и Дневной, – произнесла Королева. – А что тебя привело сюда, дочь Валентина?

Клэри разжала руку. Колокольчик на ладони предательски звякнул.

– Ваша служанка дала его мне, чтобы я позвонила, если мне когда-нибудь понадобится Ваша помощь.

– Но ты сказала тогда, что тебе ничего от меня не нужно, – напомнила Королева. – Что у тебя есть все, что нужно.

Клэри отчаянно стала вспоминать, о чем ей говорил Джейс во время их прошлой аудиенции, как он льстил и очаровывал Королеву. Казалось, у него вдруг появился совершенно новый словарный запас. Она оглянулась на Алека и Изабель; но Изабель лишь дала понять раздраженным жестом, что надо продолжать.

– Все меняется, – сказала Клэри.

Королева с наслаждением вытянула ноги.

– Очень хорошо. И чего же ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы вы нашли Джейса Лайтвуда.

Воцарившаяся тишина была столь пронзительна, что стали слышны стоны блуждающих огоньков.

Наконец, Королева произнесла:

– Ты, верно, и вправду считаешь нас всемогущественными, если считаешь способными сделать то, что не удалось Конклаву.

– Конклав хочет найти Себастьяна. А мне на него плевать. Мне нужен *Джейс*, – уверенно сказала Клэри. – К тому же, я уже знаю, что осведомлены вы куда лучше, чем говорили. Вы предсказали все случившееся. Также я уверена, что вы послали мне колокольчик в ночь исчезновения Джейса неслучайно.

– Возможно, я знала, – ответила Королева, любуясь своими блестящими ноготками на ногах.

– Я заметила, что феи частенько говорят «возможно», когда хотят скрыть правду, – сказала Клэри. – Так вы избегаете прямого ответа.

– Возможно, – улыбнулась Королева, происходящее явно забавляло ее.

– «Не исключено» тоже хорошо звучит, – предложил Алек.

– А еще «вероятно», – добавила Иззи.

– Не вижу, почему бы просто не сказать «может быть», – сказал Саймон. – Слишком современно, но хорошо передает смысл.

Королева отмахнулась от них, как от назойливых пчел.

– Я не доверяю тебе, дочь Валентина, – сказала она. – Когда-то мне нужна была одна твоя услуга, но это время прошло. Мелиорн получил место в Совете. Даже не знаю, чем ты можешь мне отплатить.

– Если бы вы так думали, то не послали мне колокольчик.

Мгновение они смотрели друг на друга. Королева была прекрасна, но ее лицо напомнило Клэри череп маленького зверька, белеющего под солнцем.

Наконец, Королева произнесла:

– Хорошо. Возможно, я смогу тебе помочь. Но будь любезна мне отплатить за это.

– Вот удивила, – пробормотал Саймон. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на Королеву с ненавистью.

Алек рассмеялся.

Глаза Королевы сверкнули, и в следующий миг Алек с криком отпрянул назад. Он вытянул руки – кожа покрылась глубокими морщинами; кисти скрючились и распухли в местах суставов. Алек ссутулился, волосы его стремительно седали; синие глаза поблекли и провалились в складки морщин. Клэри ахнула. На том месте, где только что был Алек, стоял сторбленный трясущийся старик.

– Как быстро увядает человеческая красота! – усмехнулась Королева. – Посмотри на себя, Александр Лайтвуд. Дарю тебе возможность увидеть себя через несколько десятков лет. Станет ли тебе делать комплименты твой возлюбленный колдун?

Алек тяжело дышал. Изабель быстро подошла к нему и взяла под локоть.

– Алек, не бойся, это всего лишь действие гламора. Снимите с него чары! – крикнула она на Королеву. – *Снимите!*

– Я подумаю об этом, если ты и твои спутники будете учтивее.

– Мы будем, – быстро сказала Клэри. – Простите нас за грубость.

Королева хмыкнула.

– Признаться, я скучаю по вашему Джейсу, – произнесла она. – Из всех вас он был самым милым и учтивым.

– Мы тоже по нему скучаем, – тихо сказала Клэри. – Мы не хотели быть неучтивыми. Просто когда мы, люди, скорбим, с нами бывает трудно.

– Пф-ф, – ухмыльнулась Королева, но все же щелкнула пальцами, и с Алека тут же спал гламор – он снова стал выглядеть как прежде, только был очень бледен и испуган. Королева посмотрела на него с презрением, и обратилась к Клэри:

– Существует набор колец, который некогда принадлежал моему отцу. Я бы хотела вернуть эти вещи себе, так как они созданы феями и обладают невероятной силой. Они дают возможность общаться невербально, как это делают Безмолвные Братья. Надежный источник сообщил мне, что эти кольца сейчас находятся в Институте.

– Я что-то такое видела, – медленно проговорила Иззи. – Два кольца фей в витрине библиотеки на втором этаже.

– Вы хотите, чтобы я украла их из Института? – удивилась Клэри. Она не думала, что в списке желаемых услуг Королевы этот запрос может быть на первом месте.

– Возврат вещей законным владельцам – это не воровство, – ответила она.

– И тогда вы найдете Джейса? – спросила Клэри. – Только не говорите «возможно». Что именно вы сделаете?

– Я помогу вам в его поисках, – сказала Королева. – Даю слово, что моя помощь будет неоценима. Например, я могу сказать, почему все ваши поисковые заклиния были безрезультатны. Могу назвать город, в котором вы сможете его найти.

– Но ведь Конклав вас допрашивал, – перебил Саймон. – Как вы сумели им солгать?

– Они не задали ни одного правильного вопроса.

– *Но зачем вы лгали?* – требовательно спросила Изабель. – Хотелось бы узнать, на чьей вы стороне?

– Ни на чьей. Джонатан Моргенштерн может стать могущественным союзником или врагом. Зачем рисковать, вызывая его гнев без всякой для нас выгоды? Феи – древний народ; мы не принимаем поспешных решений, а ждем, пока не выяснится, куда ветер дует.

– Если мы достанем эти кольца, вы рискуете вызвать его гнев. Они действительно вам так необходимы? – спросил Алек.

Но Королева лишь улыбнулась в ответ.

– Думаю, на сегодня достаточно разговоров, – сказала она. – Возвращайтесь с кольцами – тогда и побеседуем.

Клэри помедлила, обернувшись сперва к Алеку, а затем к Изабель.

– Вы на это пойдете? На похищение в Институте?

– Да, если это похищение вернет Джейса, – ответила Изабель.

– Без сомнений, – кивнул Алек.

Клэри повернулась к Королеве.

– В таком случае, я полагаю, мы заключили сделку.

Королева потянулась с довольной улыбкой.

– Прощайте, маленькие Сумеречные охотники. И примите мое предостережение, хоть вы его ничем не заслужили. Вам как следует подумать: хорошая ли это идея – поиски вашего друга? Ведь, как нередко случается с утраченной драгоценностью, вы можете найти ее совсем не в том виде, в каком потеряли.

Было уже почти одиннадцать вечера, когда Алек добрался до дома Магнуса в Гринпойнте. Изабель убедила его поужинать с Клэри и Саймоном у Таки. Сначала он отказался, но теперь был рад, что пошел. За время, проведенное в компании друзей, он пришел в себя после всего случившегося. Алек не хотел, чтобы Магнус заметил, как сильно взволновали его чары Королевы.

Ему не надо было звонить в дверь, чтобы Магнус впустил его наверх. Теперь у него был свой ключ – и Алек втайне очень гордился этим фактом. Он открыл дверь и направился на второй этаж, кто жил на первом – Алек понятия не имел, но, судя по всему, отношения соседей

Магнуса были очень страстными. Однажды вся лестничная площадка была завалена вещами, и на лацкане одного из пиджаков прикреплена записка: «Лживому лгуну, который лжет». В этот раз к дверной ручке привязали букет с открыткой: «Прости меня». Таков уж Нью-Йорк: ты знаешь о жизни соседей больше, чем хотелось бы.

Дверь в квартиру Магнуса была приоткрыта, и слышалась тихая музыка. Сегодня звучал Чайковский. Алек вошел внутрь, и почувствовал, как расслабляются плечи. Обстановка в квартире чародея постоянно менялась, и Алек никогда не знал, что его ждет по приходе – в этот раз интерьер был минималистичный: белые кушетки, красные журнальные столики и черно-белые фотографии Парижа на стенах – но чем дальше, тем больше он ощущал себя привычно, как дома. Запах был привычным: чернила, одеколон, чай «Лапсанг Сушонг» и жженный сахар – запах магии. Алек поднял Председателя Мяо с подоконника, где тот дремал, и прошел в кабинет.

Магнус повернулся к Алеку. Он был одет в джинсы и черную футболку с заклепками на воротнике и рукавах – даже для чародея наряд был мрачноват. Распущенные черные волосы спутались и растрепались, словно волшебник в раздражении теребил их, а его кошачьи глаза выглядели уставшими. Он выронил ручку и ухмыльнулся.

– Председателю ты нравишься.

– Ему нравятся все, кто чешет его за ушком, – сказал Алек, прижав кота к груди, и почувствовал его довольное урчание.

Магнус откинулся на спинку кресла и зевнул. Стол был усеян бумажными листами, исписанными мелким, убористым почерком и рисунками – орнаменты и символы повторяли те, что были на крыше, с которой исчез Джейс.

– Как там Королева фей?

– Как обычно.

– В смысле, все такая же бешеная сука?

– Довольно точное описание, – подтвердил Алек и коротко рассказал все, что случилось при дворе Королевы. Ему это хорошо удавалось – излагать кратко, но емко, без лишних слов. Он никогда не понимал любителей поболтать, и не разделял любви Джейса к виртуозной игре слов.

– Я волнуюсь за Клэри, – признался Магнус. – Боюсь, что она сунула свой носик куда не следует.

Алек поставил Председателя Мяо на стол, и тот сразу же свернулся в клубок и заснул.

– Она хочет найти Джейса. Разве можно ее за это винить?

Взгляд Магнуса смягчился. Он подцепил Алека пальцем за пояс джинсов и подтянул к себе.

– А если бы пропал я, ты бы сделал то же самое?

Алек посмотрел на лист бумаги, который Магнус только что отложил.

– Снова их изучаешь?

Магнус разочарованно отпустил юношу.

– Должен быть ключ, – сказал он, – чтобы их расшифровать. Какой-то язык, который я еще не знаю. Что-то древнее. Это черная магия, очень древняя, я такую еще не встречал, – он наклонил голову и вновь посмотрел на рисунки. – Не передашь мне вон ту табакерку? Серебряную, на краю стола.

Алек потянулся к краю большого деревянного стола за табакеркой. Она была сделана в виде миниатюрного металлического сундучка на крохотных ножках, на покато́й крышечке были выложены инициалы «В.С.».

«Имя на «В», – подумал Алек. – Вильгельм, Вильям... Вилл?»

«Вилл, – именно это имя Камилла повторяла, подшучивая над Магнусом. – Боже милостивый, как давно это было».

Алек закусил губу.

– Что это?

– Табакерка, – сказал Магнус, не отрывая взгляда от бумаг. – Я же сказал.

– Из тех, которые с чертиком? – Алек подозрительно покосился на табакерку. – Р-раз – и выскочит?

Магнус поднял глаза и рассмеялся.

– Из тех, которые с табаком. В семнадцатом-восемнадцатом веках это было очень популярно. А теперь я держу там всякую всячину.

Он протянул руку, и забрал коробочку.

– А ты никогда не думал... – начал было он, осекся и начал заново. – Тебя не беспокоит, что Камилла где-то поблизости? Что ей удалось ускользнуть?

«И виноват в этом я», – также подумал он, но вслух не произнес. Магнусу лучше об этом не знать.

– Она всегда была где-то рядом, – сказал Магнус. – Я знаю, что Конклав от этого не в восторге, но я привык думать, что она живет где-то своей жизнью и не пытается со мной связаться. Если меня это и тревожило, то очень давно.

– Но ведь ты ее любил когда-то.

Магнус потрогал инкрустированную бриллиантами крышечку.

– Думал, что любил.

– А она тебя еще любит?

– Не думаю, – сухо ответил Магнус. – Когда мы виделись в последний раз, она была не очень любезна. Хотя, возможно, ей просто неприятно, что я успел обзавестись восемнадцатилетним бойфрендом с руной Стойкости, а она по-прежнему одна.

– Со всей своей стойкостью возражаю против разговоров о моей персоне как о неодушевленном предмете, – возмутился Алек.

– Она всегда была такой ревнивицей, – усмехнулся Магнус. Сменить тему он умеет, как никто другой, подумал Алек. Магнус не любил разговоров о прошлых отношениях, их общении сразу теряло свою близость и доверительность, и Алек почувствовал себя неуютно. Как бы молодо Магнус ни выглядел – особенно сейчас: с босыми ногами и встрепанными волосами ему можно было дать не больше восемнадцати – их разделяли океаны времени.

Магнус открыл табакерку, вынул оттуда несколько канцелярских кнопок и приколот лист бумаги к столу. Но когда он вновь посмотрел на Алека, забеспокоился:

– Ты в порядке?

Вместо ответа Алек взял Магнуса за руки и притянул к себе. И прежде, чем тот успел что-либо сказать, поцеловал. Чародей простонал и задрал на спине футболку Алека, провел холодными пальцами по позвоночнику. Алек прижал своим телом Магнуса к столу и прошептал ему на ухо:

– Уже поздно. Пошли спать.

Магнус обернулся на разбросанные на столе бумаги.

– Почему бы тебе не пойти первым? – предложил он. – А я буду через пять минут.

– Без проблем, – Алек выпрямился, прекрасно понимая, что когда Магнус с головой погружен в исследования, пять минут могли легко превратиться в пять часов. – Увидимся в спальне.

– Тс-с, – Клэри прижала палец к губам, и затем сделала Саймону знак войти в дом Люка. В гостиной было темно и тихо. Она отправила Саймона в свою комнату, а сама пошла на кухню за стаканом воды, но на полпути застыла.

Из холла слышался голос ее матери, и Клэри почувствовала в нем напряжение. Потерять Джейса для Клэри было самым страшным кошмаром, но она понимала, что ее мать сейчас

точно так же переживает свой самый страшный кошмар наяву. Джослин знала, что ее сын на свободе, и что он способен на что угодно, – это разрывало ее сердце.

– Но ее оправдали, Джослин, – стараясь говорить тихо, произнес Люк. – Ее не станут наказывать.

– Это все моя вина, – глухо ответила Джослин. – Если бы я не произвела на свет эту... тварь, Клэри не пришлось бы так страдать.

– Откуда ты могла знать, что... – Люк перешел на шепот. Клэри разделяла его мнение, но на секунду ее охватила ярость. Ах, если бы только Джослин придушила Себастьяна в колыбели до того, как он успел вырасти и разрушить их жизни, – подумала она, и тут же устыдилась своих мыслей. Она поспешила в свою комнату, и скорее захлопнула за собой дверь, как будто кто-то гнался за нею.

Саймон, который сидел на кровати и играл в приставку Nintendo DS, удивленно посмотрел на нее.

– Все в порядке?

Клэри попыталась улыбнуться. Она привыкла видеть здесь Саймона – в детстве они частенько вместе ночевали у Люка. Постепенно она превратила эту комнату из «комнаты для гостей» в «комнату Клэри». В раме зеркала над туалетным столиком беспорядочно торчали фотографии: Клэри с Саймоном, Лайтвуды, Клэри с Джейсом и с семьей. Люк подарил ей этюдник, и Клэри аккуратно разложила по ящичкам свои художественные принадлежности, а к стенам приколотла постеры любимых аниме: «Цельнометаллического алхимика», *Rurouni Kenshin* и *Bleach*.

Следы обитания Сумеречного охотника, впрочем, тоже тут присутствовали: толстое издание «Кодекса Сумеречных охотников» с пометками на полях и рисунками Клэри, полка, заставленная книгами об оккультизме и паранормальных явлениях, стило на столе и новый глобус – подарок Люка – на котором Идрис в центре Европы был обведен золотой линией.

И Саймон – сидящий нога на ногу посередине ее кровати – был частью и ее прежней жизни, и нынешней. Все те же темные глаза на бледном лице и Метка Каина едва заметна на лбу.

– Мама очень переживает, – Клэри устало прислонилась к двери.

– Разве ей не стало легче после твоего оправдания?

– Она никак не может перестать думать о Себастьяне. И винит себя.

– Это не ее вина, что он таким вырос. Вина Валентин.

Клэри промолчала. У нее не выходила из головы жуткая мысль – что Джослин следовало убить Себастьяна в младенчестве.

– Вы обе, – сказал Саймон, – вините себя напрасно. Ты – за то, что оставила Джейса на крыше...

Клэри гневно посмотрела на него. Ему она никогда не говорила об этом – хотя, конечно, он прав.

– Я никогда не...

– Постоянно, – прервал ее Саймон. – Но и я его оставил там, и Иззи, и Алек – его *парабатай*. Нам неоткуда было знать. А если бы ты осталась, могло бы быть еще хуже.

– Не исключено, – Клэри не горела желанием это обсуждать. Избегая смотреть Саймону в глаза, она направилась в ванную почистить зубы и переодеться в пушистую пижаму. Она и на себя старалась не смотреть в зеркале: бледный вид и круги под глазами ей не нравились. Клэри была сильной и не собиралась расклеиваться: ведь у нее был план. Пусть и безумный, с ограблением Института.

Она почистила зубы и как раз собирала волнистые волосы в хвост, когда заметила, выходя из ванной, как Саймон прячет что-то в сумку-почтальонку – Клэри была уверена, что это бутылка крови, которую он купил у Таки.

Она подошла к Саймону и потрепала его по голове.

– Ты вообще-то можешь поставить ее в холодильник, – предложила она. – Если, конечно, не любишь пить кровь комнатной температуры.

– Ледяная кровь, на самом деле, хуже, чем комнатная. Лучше всего теплая, но боюсь, твоя мама мне голову оторвет, если я подогрею ее в кастрюльке.

– А Джордану все равно? – спросила Клэри, сомневаясь, помнит ли вообще тот, что Саймон живет с ним под одной крышей. На прошлой неделе Саймон ночевал у нее каждый день. В первые дни после исчезновения Джейса она не могла уснуть; набрасывала на себя по пять одеял, но никак не могла согреться. Дрожа от холода, лежала без сна, воображая, как замороженная кровь лениво движется по венам, а кристаллы льда оплетают сердце сверкающей сетью. Ей грезились черные моря, льдины, замерзшие озера и... Джейс. Его лицо было скрыто или в тени, или его блестящими волосами, или он отворачивался. Иногда она засыпала на пару минут – и тут же просыпалась с тревожным чувством, будто тонет.

После первого допроса в Совете Клэри вернулась домой, заползла в кровать и лежала, не сомкнув глаз, пока не раздался стук в окно и в комнату не ввалился Саймон. Он едва стоял на ногах, и добравшись до ее кровати – рухнул рядом, с прохладной с улицы кожей, от него пахло городом и приближающейся зимой.

Клэри прижалась к его плечу, и напряжение, сковавшее ее тело, ушло. Рука Саймона была холодной – но знакомой, как и вельветовая куртка, касавшаяся ее плеча.

– Как долго ты можешь остаться? – шепнула она в темноту.

– Так долго, сколько скажешь.

Клэри повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

– А Иззи не обидится?

– Она мне и велела прийти. Сказала, ты не спишь, и если рядом со мною тебе станет лучше, я могу остаться. Или могу уйти, когда ты заснешь.

Клэри с облегчением выдохнула.

– Останься на всю ночь, – попросила она. – Пожалуйста.

И он остался.

Той ночью ей не снились кошмары. Пока Саймон был рядом, ей вообще ничего не снилось – темное море пустоты, блаженное забвение.

– Джордану нет дела до крови, – продолжал Саймон. – Он заиклен на том, чтобы я принял себя таким, как есть: подружился со своим внутренним вампиром и все такое.

Клэри присела на кровать рядом с ним и прижала к себе подушку.

– И что, твой внутренний вампир отличается от твоего... внешнего вампира?

– И не говори. Он хочет, чтобы я носил приталенную рубашку и фетровую шляпу. Я с ним воюю не на жизнь, а на смерть.

Клэри улыбнулась.

– Так твой внутренний вампир – это Магнус?

– О, погоди! Чуть не забыл, – Саймон вытащил из сумки два тома японских комиксов манга, и торжествующе помахал ими, прежде чем вручить Клэри. – «Магический джентльмен-любовник», пятнадцатый и шестнадцатый тома, – объяснил он. – Распродано везде, кроме «Мидтаун Комикс».

Клэри взяла книжки и стала рассматривать красочные страницы справа налево – на японский манер. Раньше она бы визжала от радости; а теперь только улыбнулась и поблагодарила Саймона. Ей было приятно, что друг хотел порадовать ее подарком, но сейчас она была не в состоянии читать развлекательную литературу.

– Ты классный, – сказала Клэри, толкнув Саймона плечом, и откинулась на подушку; томики манги остались лежать у нее на коленях. – И спасибо за то, что пошел со мной к Королеве. Знаю, это будит в тебе неприятные воспоминания, но... мне лучше, когда ты рядом.

– Ты отлично справилась. Быстро поставила на месту эту задавалу, – Саймон улегся рядом, и они стали рассматривать давным-давно наклеенные на потолке звезды из светящийся в темноте бумаги – которая, впрочем, от старости уже не светилась. – Так ты и впрямь собираешься это сделать? Украсть для Королевы кольца?

– Да, – выдохнула Клэри. – Завтра в полдень состоится собрание местного Конклава, где будут все. Тогда-то я и проберусь внутрь.

– Ох не нравится мне это!

Клэри напряглась.

– Что именно тебе не нравится?

– То, что у тебя с Королевой общие дела. Все феи обманщицы.

– Они *не способны* лгать.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Конечно, никто не скажет «Феи-лгуны», потому что это странно звучит.

Клэри уткнулась подбородком в ключицу Саймона и посмотрела на него. Тот обнял Клэри за плечи, притянув к себе. Он все еще был озябший в мокрой от дождя футболке. Волосы, обычно прямые, как солома, от влаги закудрявились.

– Поверь, мне тоже не нравится иметь дело с феями, но я бы пошла на это ради тебя, – сказала она. – И ты бы так сделал, разве нет?

– Конечно. Но все равно, это плохая идея, – Саймон повернул голову и посмотрел на нее. – Понимаю, что ты чувствуешь. Когда умер мой отец...

Клэри снова напряглась.

– Джейс не умер.

– Я знаю. Я не это хотел сказать. Просто... не обязательно говорить, что тебе лучше, когда я рядом. Я всегда рядом. Скорбь создает иллюзию одиночества – но ты не одинока. Я знаю, ты не религиозна, как я, но ты же можешь поверить, что окружена любящими людьми?

Саймон глядел на нее с надеждой, широко раскрыв глаза. Его темно-карие зрачки казались почти черными, а кожа наоборот выглядела очень светлой и словно подсвеченной изнутри.

«Я верю, – подумала Клэри. – Только это ничего не меняет». Она вновь легонько толкнула его плечом.

– Слушай, а можно вопрос? Очень личный. Но важный.

– Что такое? – заволновался Саймон.

– Я насчет Метки Каина... Это что же, если я случайно пну тебя во сне, то получу в семь раз сильнее от незримой силы?

Саймон рассмеялся.

– Спи давай, Фрей.

3

Скверные ангелы

– Я уж думал, ты забыл, что тут живешь, – сказал Джордан, когда Саймон вошел в гостиную их квартирки, позвякивая ключами. Обычно Джордан лежал, развалившись на диване с джойстиком Xbox в руке. На это раз он сидел, сгорбившись и сунув руки в карманы джинсов. Джойстика рядом было не видно. Саймону показалось, Джордан был рад его возвращению, и мгновение спустя понял почему.

Джордан был не один – напротив него в кресле, обитом рыжим бархатом – ни один предмет мебели у этого парня не сочетался друг с другом, – сидела Майя. Ее пышные курчавые волосы были заплетены в две косички. В прошлую их встречу на вечеринке она была одета по последнему слову моды. Теперь же на ней были повседневные вещи: рваные джинсы, футболка с длинными рукавами и светло-коричневая кожаная куртка. Судя по всему, Майе чувствовала себя неловко, как и Джордан – она сидела, напряженно выпрямив спину, и поглядывала в окно. Увидев Саймона, она с облегчением поднялась с кресла и обняла его.

– Привет, – сказала она. – Вот, заглянула проведать тебя.

– Я в порядке. В смысле, настолько в порядке, насколько это возможно в данных обстоятельствах.

– Я имела в виду не всю эту историю с Джейсом, – уточнила Майя, – а *тебя*. Ты как, держишься?

– Я? – удивленно переспросил Саймон. – Да я нормально. Волнуюсь за Изабель и за Клэри. Ты же знаешь: Конклав ее допрашивал о...

– И я слышала, что ее оправдали. Это хорошо... Я тут думала про тебя и про твою маму.

– А ты откуда знаешь? – Саймон грозно посмотрел Джордана, но оборотень едва заметно покачал головой: он не выдавал.

Майя потянула себя за косичку.

– Представляешь, встретила тут случайно Эрика. Он рассказал мне, что произошло и что ты из-за этого уже две недели не выступаешь с «Тысячелетней пылью».

– Вообще-то теперь у них новое название, – заметил Джордан. – «Полуночное буррито».

Майя с раздражением посмотрела на него, и тот сгорбился еще больше. Саймону стало интересно: о чем эти двое говорили до того, как он пришел?

– Ты общался еще с кем-нибудь из родных? – тихо спросила Майя. Ее янтарные глаза были полны беспокойства. Саймон знал, что это грубо и глупо с его стороны – но почему-то он терпеть не мог, когда на него так смотрят. Ее тревога только усугубляла проблему, а он предпочитал о ней не думать, как будто и нет ничего.

– Ага, – ответил он. – С родными все в порядке.

– Неужели? Ты тут, видишь ли, телефон забыл, – Джордан поднял трубку со столика, – и твоя сестрица тебе весь день названивала, каждые пять минут – сегодня и вчера.

В животе у Саймона похолодело. Он взял телефон и посмотрел на экран: семнадцать пропущенных вызовов от Ребекки.

– Вот черт, – сказал он. – Я надеялся, этого не случится.

– Ну, она все-таки твоя сестра, – заметила Майя. – Рано или поздно она бы тебе позвонила.

– Знаю, но я же ее специально оттачивал. Звонил домой, когда точно знал, что ее там нет, и все такое. Я просто... наверное, пытался оттянуть время.

– И что теперь будешь делать?

Саймон положил телефон на подоконник.

– Продолжать в том же духе?
– Не надо, – Джордан вынул руки из карманов. – Поговори с нею.
– И что я ей скажу? – вопрос прозвучал грубее, чем хотелось Саймону.
– Твоя мать наверняка ей что-то уже рассказала, – ответил Джордан. – Она теперь, наверное, волнуется.

Саймон покачал головой.

– Она скоро приедет домой на День благодарения. Не хочу ее втягивать в наши с мамой отношения.

– Она уже в них втянута. Она часть твоей семьи, – сказала Майя. – К тому же, *ваши с мамой отношения* – теперь и есть твоя жизнь.

– В таком случае, я бы предпочел, чтобы хоть Ребекка в нее не лезла, – Саймон знал, что рассуждает глупо, но ничего не мог с собой поделать. Ребекка была... особенной. Из той – другой – жизни Саймона, в которой не было всего этого безумия. И, возможно, она была последней, кто еще соединял его с прежней нормальной жизнью.

Майя всплеснула руками и обернулась к Джордану.

– Ну, скажи же ему что-нибудь. Ты же претор, ты должен его оберегать.

– Ой, да ладно тебе, – сказал Саймон прежде, чем Джордан успел ответить. – Вот вы сами – кто-то из вас общается с родителями? Или вообще с родственниками?

Майя и Джордан переглянулись.

– Нет, – медленно произнес Джордан, – но у нас с ними не ладилось и *до...*

– Я думаю, достаточно, – сказал Саймон. – Мы все тут сироты... Сиротки в бую⁶.

– Ты не можешь просто взять, и игнорировать свою сестру, – не унималась Майя.

– Вообще-то могу.

– Хорошо, тогда представь: Ребекка приезжает домой, а у вас как будто съемки «Изгоняющего дьявола». Мама не может дать внятных объяснений, что происходит и куда ты делся. – Джордан, заслушавшись, подался вперед. – Твоей сестре останется только вызвать полицию, и кончится тем, что твою мать заберут как подозреваемую.

– Я просто не в силах рассказать ей обо всем, – сознался Саймон, понимая, что этот спор он уже проиграл. – Мне пора, но я напишу ей смс-ку, обещаю.

– Так и быть, – ответил Джордан, и посмотрел на Майю: оценила ли она дар убеждения, который он продемонстрировал в споре с Саймоном?

Эти двое вообще выглядели странно, и Саймон подумал, не встречались ли они и раньше, пока он отсутствовал две недели. Скорее «нет», судя по тому, как неловко они чувствовали себя в обществе друг друга, когда он пришел, но с этой парочкой никогда не знаешь наверняка.

– Ну, это уже что-то, – подытожил Джордан все сказанное.

Золотой лифт остановился на третьем этаже Института; Клэри сделала глубокий вдох и вышла в холл. Как и обещали Алек с Изабель, в здании было тихо и безлюдно. Даже шум с оживленной Йорк-авеню был здесь максимально приглушенным. Клэри даже показалось, что она слышит шорох пылинок, пляшущих в лучах дневного света. В гардеробе для сотрудников Института, висела черная куртка Джейса, словно надетая на призрак.

Клэри содрогнулась, и пошла дальше, вспоминая, как Джейс вел ее этими коридорами, весело рассказывая о Сумеречных охотниках, об Идрисе – обо всем тайном мире, о существовании которого она даже не догадывалась. Клэри наблюдала за ним, не пропуская ни одной детали: за бликами света на его пепельных волосах, быстрыми движениями изящных пальцев, жестикуляцией.

⁶ Саймон намекает на знаменитый немой фильм 1921 года «Сиротки бури», в котором рассказывается о злочлечениях двух подкидышей во время Великой французской революции.

Она добралась до библиотеки, не встретив ни одного Сумеречного охотника, и открыла дверь. Здесь ей снова стало не по себе как в первый раз. Библиотека располагалась в башне и была круглой. Над рядами книжных полок находился второй этаж, обнесенный перилами. В центре зала стоял стол, вырезанный из цельного куска дуба, который Клэри называла про себя «столом Ходжа». Широкая столешница держалась на спинах двух коленопреклоненных ангелов. Она всегда представляла, как за ним сидит Ходж с вороном Хьюго на плече.

Она быстро прошла к винтовой лестнице в дальнем конце зала. Клэри была в джинсах и кедах, а на лодыжке нарисовала руну беззвучия; когда она взбегала вверх по лестнице к галерее, тишина была жутковатой. На втором этаже тоже хранились книги, но они хранились под стеклом. Некоторые выглядели очень старыми – потрепанные обложки, истончившиеся до ниток переплеты; другие явно были книгами по темной или, проще говоря, опасной магии: «Запретные секты», «Дьяволова оспа», «Практическое руководство по воскрешению мертвых».

Запертые стеллажи перемежались стеклянными витринами, и в каждой лежал какой-нибудь предмет искусства: изящный стеклянный флакон с изумрудной пробкой; корона с алмазом, которая, судя по размеру, рассчитана не на человеческую голову; подвеска в виде ангела с крыльями из часовых шестеренок; и, наконец, в последней витрине, как и обещала Изабель, красовалась пара сияющих золотых колец в форме переплетенных листьев – работа фей – тонкая и нежная, как дыхание младенца.

Витрина, разумеется, была заперта, но Клэри начертила руны Открытия. Закусив от усердия губу, она старалась сделать ее не слишком мощной, чтобы не разбить стекло, и не привлечь внимание Сумеречных охотников. Замок тихонько щелкнул, Клэри убрала стило в карман, и задумалась.

Неужели она и вправду это делает? Крадет у Конклава для Королевы фей, чьи обещания, как однажды заметил Джейс, подобны скорпионам с острым жалом на хвосте?

Клэри тряхнула головой, словно пытаясь прогнать сомнения – и вдруг услышала, как кто-то открывает дверь в библиотеку. Снизу доносились приглушенные голоса и шаги. Недолго думая, она легла на пол, и прижалась всем телом к холодному мрамору.

– Ты был прав, Джейс, – прозвучал до боли знакомый голос. – Тут ни души.

Лед в венах Клэри, казалось, закристаллизовался, пригвоздив ее к месту. Она не могла ни двигаться, ни дышать. Такого шока она не испытывала с тех пор, как в тот раз, когда ее отец мечом пронзил грудь Джейса. Клэри медленно подползла к краю галереи и посмотрела вниз, и еле сдержалась, чтобы не закричать.

На самом верху, где сходились своды покато́й крыши, было окно. Через него на пол падал яркий луч солнца. Клэри увидела, что стекло, мрамор и самоцветы, из которых был сделан пол, составляют рисунок: ангел Разиэль с чашей и мечом. А на одном из распростертых крыльев ангела стоял Джонатан Кристофер Моргенштерн. Себастьян.

Так вот как выглядел ее брат, когда был жив. Бледный, высокий, стройный, в черных доспехах. Волосы серебристо-белые, а не темные, как в их первую встречу, перекрашенные под настоящего Себастьяна Верлака. Светлый цвет шел ему больше. Взгляд черных глаз полон решительности. Когда Клэри видела его в последний раз, лежащего в хрустальном гробу словно Белоснежка, вместо одной из рук у него была перебинтованная культия. Теперь же рука снова была целой, а на запястье блестел серебряный браслет.

Рядом с Себастьяном стоял... Джейс. Он был не таким, каким Клэри представляла его последние две недели – избитого, окровавленного, страдающего, запертого в темной тюремной камере, кричащего от боли. О нет, Джейс был румяным, здоровым, энергичным и невероятно красивым – таким, каким она знала его и пыталась запомнить. Он стоял, беспечно засунув руки в карманы джинсов, сквозь белую футболку просвечивались Метки. В светло-коричневой замшевой куртке, которую Клэри раньше не видела; на фоне замши его кожа отливала золотом. Джейс запрокинул голову, словно наслаждаясь солнечным теплом.

– Я всегда прав, Себастьян, – отозвался он. – Уж мог бы за это время запомнить.

Себастьян посмотрел на него и улыбнулся. Клэри не могла поверить своим глазам. Улыбка казалась искренней. Хотя это ничего не значило. Раньше Себастьян и ей улыбался, и это оказалось ложью.

– Ну что, где книги по призыву? В этом беспорядке можно хоть что-то найти?

– С трудом. Тут все расставлено не по алфавиту, а по системе Ходжа.

– Это Ходж, которого я убил? Как некстати... – заметил Себастьян. – Пожалуй, я пойду искать наверх, а ты внизу посмотри.

Он направился к лестнице, и сердце Клэри сильно забилося. Все, что она знала о Себастьяне было связано с убийствами, кровью, болью и ужасом. Однажды Джейс дрался с ним и даже победил, но это чуть не стоило ему жизни. Она никогда не смогла бы одолеть своего брата в рукопашной. Спрыгнуть с галереи на первый этаж? Переломаешь ноги. И даже если уцелеешь, как поступит Джейс?

Себастьян уже шагнул на нижнюю ступеньку, но Джейс его остановил:

– Подожди, вот они – под грифом «Несмертельная магия».

– «Несмертельная»? Как скучно, – протянул Себастьян, но убрал ногу со ступеньки и пошел обратно к Джейсу. – Вот это библиотека, – заметил он, читая вслух заглавия книг, мимо которых проходил. – «Домашние бесята, уход и кормление», «Разоблачение Демонов».

Он снял книгу с полки и разразился низким смехом.

– Что это? – Джейс улыбнулся. И Клэри нестерпимо захотелось сбежать вниз и броситься ему на шею, но она сдержалась, закусив губу до боли.

– Порнография, – сказал Себастьян. – *Разоблачение Демонов*.

Джейс подошел к Себастьяну сзади и заглянул в книгу через плечо. Обычно Джейс так вел себя с Алеком – легко и непринужденно, но рядом с Себастьяном это выглядело дико, как будто все перевернулось с ног на голову.

– Ну ладно, и как ты их отличаешь от... облаченных?

Себастьян захлопнул книгу и легонько похлопал ей по плечу Джейса.

– Кое в чем я получше твоего разбираюсь. Ты нашел нужные книги?

– Да, – Джейс взял со стола стопку тяжелых на вид томов. – У нас есть время заскочить ко мне? Хотелось бы забрать кое-какие вещи...

– Например?

– Да шмотки, в основном, – пожал плечами Джейс, – ну и немного оружия.

– Слишком опасно, – покачал головой Себастьян. – Надо спешить, бери только самое необходимое.

– Моя любимая куртка – это самое необходимое, – сказал Джейс так, будто общался с кем-то из близких друзей. – Душевная и модная, прямо как я.

– Слушай, у нас куча денег, – сказал Себастьян. – *Купи* себе одежду. А через несколько недель ты здесь будешь царь и бог, и сможешь прицепить свою любимую куртку на флагшток и поднять вместо знамени.

Джейс рассмеялся тихим и залихватистым смехом, который так любила Клэри.

– Предупреждаю, эта куртка – огонь. Так можно спалить весь Институт.

– Ему это пойдет на пользу. Сейчас тут как-то мрачновато, – Себастьян схватил Джейса за край куртку, и потащил в сторону. – Уходим. Не урони книги, – он взглянул на тонкое серебряное кольцо на правой руке, и повернул его большим пальцем.

– Эй, – вдруг сказал Джейс. – А ты не думаешь, что...

Он не успел договорить, и Клэри показалось, он замолчал, потому что увидел ее, но не успела она и вздохнуть, как Джейс и Себастьян растворившись в воздухе словно мираж.

Клэри устало опустила голову на руку. Ее губа в месте прикуса кровоточила; она чувствовала во рту солоноватый вкус крови. Ей надо было встать, и скорее бежать отсюда, но Клэри боялась, что если пошевелится, лед в венах потрескается в мелкую крошку.

Алек проснулся от того, что Магнус тряс его за плечо.

– Давай-ка, сладенький, время встречать новый день! – объявил чародей.

Алек выбрался из мягкого гнезда из подушек и одеял, и моргая спросонья, посмотрел на бойфренда. Магнус, хоть и не спал, выглядел раздражающе бодрым. С его мокрых волос капала вода, делая белую рубашку прозрачной на плечах. На чародея были старые драные джинсы, и это значило, что выходить из дома он сегодня не планирует.

– «Сладенький»? – переспросил Алек.

– Я проверял, подойдет или нет.

– Нет, – решительно потряс головой Алек.

– Так и запишем, – пожал плечами Магнус и протянул синюю кружку с трещинами – кофе, приготовленное, как любил Алек – без молока, но с сахаром. – Просыпайся.

Алек сел, потирая глаза, и взял кружку. Первый горький глоток разлился в теле бодрящей волной. Он вспомнил, что накануне лежал в кровати и ждал Магнуса, но около пяти часов утра его сморил сон.

– На встречу Совета сегодня не пойду.

– Я в курсе. Но ты сегодня встречаешься с сестрой и друзьями – в парке, у Черепашьего пруда. Ты просил тебе напомнить.

Алек свесил ноги с кровати.

– А который час?

Магнус подхватил кружку прежде, чем кофе пролился на постель, и поставил ее на прикроватный столик.

– Все нормально, у тебя в запасе еще час.

Он наклонился и поцеловал Алека; юноша вспомнил их первый поцелуй – в этой же квартире – и ему захотелось обнять возлюбленного, но что-то его сдерживало.

Алек встал и направился к комоду. У него был свой ящик для одежды, место для зубной щетки в ванной, ключ от входной двери – все это указывало на серьезность отношений, но все же где-то глубоко внутри он чувствовал холод и одиночество.

Магнус улегся на спину и наблюдал за Алеком с постели, подложив руку под голову.

– Надень этот, – посоветовал он, указав пальцем на синий кашемирового шарф на вешалке. – Он подходит под цвет глаз.

Алек посмотрел на шарф. Его вдруг охватила ненависть – и к шарфу, и к Магнусу, и, больше всего, к самому себе.

– Не надо мне указывать, – процедил он. – Этому шарфу сто лет, тебе его вручила на смертном одре королева Виктория – за особые услуги перед Коронай или что-то вроде этого.

Магнус сел.

– Да что с тобой такое?

– Кажется, в этой квартире я – самая новая вещь, – съязвил Алек.

– Полагаю, эта честь принадлежит Председателю Мяо – ему всего два года.

– Я сказал: «самая новая», а не «самая юная», – огрызнулся Алек. – Кто такой В.С.? Это Вилл?

Магнус помотал головой, словно ему в уши попала вода.

– Какого черта? Ты имеешь в виду табакерку? В.С. – это Вулси Скотт. Он...

– Основатель «Претор Люпус». Я в курсе, – Алек натянул джинсы и застегнул ширинку. – Ты его и раньше упоминал, он, кстати, тоже историческая личность. А его табакерка лежит в

ящике для хлама. Что еще там у тебя хранится? Щипчики для ногтей Джонатана Сумеречного охотника?

Кошачьи глаза Магнуса были холодны.

– Что на тебя нашло, Александр? Я тебя никогда не обманывал. Если тебя что-то интересует, достаточно просто спросить.

– Бред, – заявил Алек, застегивая рубашку. – Тебе не занимать доброты и чувства юмора, и много других прекрасных качеств, но только не искренности, *сладенький*. Проблемы других людей ты можешь обсуждать сутки напролет – но только не себя и не свою биографию! А когда я о чем-то спрашиваю, ты извиваешься, как червяк на крючке.

– Просто каждый раз, когда мы обсуждаем мое прошлое, весь разговор сводится к тому, что я буду жить вечно, а ты нет, – разволновался Магнус. – Похоже, бессмертие стало третьим лишним в наших отношениях. Не так ли, Алек?

– В наших отношениях не может быть третьего.

– Вот именно.

У Алека встал комок в горле. Он многое хотел сказать – но, в отличие от Джейса и Магнуса, ему было трудно выразить свои мысли. Поэтому вместо слов он сорвал синий шарф с вешалки и с вызовом обмотал его вокруг шеи.

– Не жди меня, – объявил он. – Возможно, я сегодня патрулирую.

Захлопнув за собой дверь квартиры, он услышал, как Магнус кричит ему вслед:

– А шарф я купил в Гар! В *прошлом году*!

Алек закатил глаза и сбежал по ступеням в фойе. Единственная лампочка, освещавшая этаж, перегорела, и внизу было так темно, что он не сразу заметил фигуру в капюшоне, а когда заметил, от неожиданности уронил ключи. Алек не мог разобрать ни возраста, ни пола, ни даже биологического вида этого существа. Из-под капюшона раздался низкий и хриплый голос.

– У меня к вам послание, Алек Лайтвуд, – проговорил незнакомец. – От Камиллы Белькур.

– Хочешь, пойдем сегодня вместе в патруль? – спросил Джордан.

Майя с удивлением обернулась к нему. Тот стоял, облокотившись на кухонную столешницу. Его поза была нарочито беспечная, и в этом чувствовалась неуверенность. Иногда это мешает, когда слишком хорошо кого-то знаешь, подумала Майя. Очень трудно притворяться или не обращать внимания, когда притворяются.

– Вместе в патруль? – переспросила она. Саймон переодевался у себя в комнате; она успела сказать, что пойдет с ним до метро, и теперь пожалела об этом. Майя понимала, что после их последней встречи, когда она поцеловала Джордана, что было крайне не осмотрительно с ее стороны, ей следовало с ним поговорить. Но потом пропал Джейс, и весь мир, казалось, полетел к чертям, так что у нее как раз появился благовидный предлог забыть о случившемся.

Конечно, не думать о бывшем парне, который разбил тебе сердце и обратил в оборотня, было проще, когда он не стоял перед тобой в зеленой футболке, обтягивавшей стройное мускулистое тело и подчеркивающей цвет зеленых глаз.

– Я думала, патрули по поиску Джейса отменили, – сказала она, стараясь не смотреть на Джордана.

– Ну, не отменили, только сократили. Но я претор, и не подчиняюсь Конклаву. Могу искать Джейса сколько захочу.

– Ну да, – согласилась она.

Джордан перебирал что-то на столешнице, но все его внимание было сосредоточено на Майе.

– А ты... Ты вроде бы раньше хотела поступать в колледж в Стэнфорде. Как, все еще планируешь?

Ее сердце сжалось.

– Я про колледж не думала с тех пор как... – она прочистила горло, – с тех пор как Обратилась.

Джордан покраснел.

– Ты была... в смысле, ты всегда хотела переехать в Калифорнию. Собиралась изучать историю, а я думал тоже перебраться туда и кататься на серфе. Помнишь?

Майя засунула руки в карманы кожаной куртки. Ей следовало рассердиться на него... но почему-то не получалось. Она долго винила Джордана за то, что бросила даже мечтать о простом человеческом будущем: университет, собственный дом и, может быть, даже семья. В полицейском отряде были оборотни, которые были верны своей мечте. Например, Бат. Прервать свою жизнь было ее собственным решением.

– Помню, – сказала она.

Джордан снова покраснел.

– Так вот, насчет сегодняшнего вечера. Никто пока не исследовал Бруклинскую гавань, так что я подумал... в одиночку это как-то невесело. Но если ты не хочешь...

– Нет, – ответила Майя, слыша свой голос словно со стороны. – В смысле – да, конечно, я пойду с тобой.

– Правда? – его ореховые глаза заблестели, и Майя мысленно отругала себя. Не стоило давать ему надежду – по крайней мере, пока она сама не уверена в своих чувствах. Просто... трудно было поверить, что для него это действительно так важно.

Джордан наклонился к ней – и на его шее блеснул медальон «Претор Люпус». Майя почувствовала знакомый запах мыла и волчьей шерсти; их глаза встретились – и тут открылась дверь, и в комнату вошел Саймон, натягивая худи. Но тут же остановился, вытянув лицо.

– Знаешь, я и сам могу дойти до метро, – сказал он Майе, улыбнувшись уголком рта. – Если хочешь остаться тут...

– Нет, – Майя вынула руки из карманов, и сжала в кулаки. – Я с тобой. Джордан... увидимся позже.

– Сегодня вечером, – крикнул он ей вслед, но Майя не обернулась.

Саймон поднимался на холм. Как музыка издалека, до него доносились крики игроков в фрисби с Шип-Медоу. Был ясный ноябрьский день, прохладный и ветреный; солнце подсвечивало последние листья на деревьях: алые, золотые, янтарные.

На вершине холма лежали валуны. Очевидно, до парка на этом месте была дикая каменистая чаща. На одном из валунов сидела Изабель в длинном шелковом платье бутылочного цвета и в черном, расшитом серебром плаще. Она подняла голову, глядя на приближающегося Саймона, откинула с лица длинную темную прядь.

– Я думала, ты придешь с Клэри, – сказала Изи, когда он подошел. – Где она?

– Выходит из Института, – Саймон сел рядом, засунув руки в карманы ветровки. – Она прислала смс-ку. Скоро будет.

– Алек уже идет, – начала Изабель, но не договорила, у Саймона завибрировал карман, вернее, телефон в кармане. – Кажется, тебе кто-то пишет.

Он пожал плечами.

– Потом посмотрю.

Изабель взглянула на него из-под длинных ресниц.

– Так вот, я говорила, Алек тоже идет. Он из самого Бруклина добирается, так что...

Телефон снова завибрировал.

– Ну, все. Если ты не прочитаешь, я сама это сделаю, – Несмотря на протесты Саймона, Изабель потянулась к его карману, коснувшись головой его подбородка. Он вдохнул аромат ее кожи и ванильных духов. Когда Изабель вытащила телефон и отодвинулась, он испытал одновременно и облегчение, и досаду.

Изабель прищурилась, глядя на экран.

– Ребекка? Кто такая *Ребекка*?

– Моя сестра.

Изабель расслабилась.

– Она хочет с тобой встретиться. Пишет, что не видела тебя с тех пор, как...

Саймон выхватил у нее телефон и убрал обратно в карман.

– Да знаю я, знаю.

– Ты что, не хочешь ее видеть?

– Хочу больше всего на свете. Ну, почти. Но не хочу, чтобы она узнала про меня, – Саймон поднял с земли палку и швырнул ее. – Вон, что случилось, когда мамы узнала.

– Пригласи ее в какое-нибудь людное место подальше от дома, где она не сможет устроить скандал.

– Даже если она не устроит скандал, не исключено, что станет относиться ко мне как мама, – тихо сказал Саймон. – Будто я чудовище.

Изабель коснулась его запястья.

– Моя мама выгнала Джейса из дома, когда решила, что он шпион и сын Валентина – и потом очень жалела об этом. Мои родители постепенно привыкают к тому, что Алек с Магнусом встречаются. И твоя мама смирится. Если сестра будет на твоей стороне – это поможет, – она наклонила голову. – Знаешь, я думаю, в некоторых ситуациях братья и сестры понимают друг друга лучше, чем родители. Нет больших ожиданий. Я бы никогда, ни за что не перестала общаться с Алеком. И с Джейсом тоже.

Изабель сжала плечо Саймона, но затем опустила руку.

– Мой младший брат умер. Я никогда больше его не увижу. Не заставляй свою сестру через это пройти.

– Через что? – Алек поднимался по склону холма, пиная сухие листья. Он был в своем обычном, выдавшем виды свитере и джинсах, но на шее красовался темно-синий шарф под цвет глаз. Наверняка подарок Магнуса, подумал Саймон. Алек ни в жизнь бы сам не купил себе что-то подобное. Само понятие «сочетание цветов» было ему неведомо.

Изабель прокашлялась.

– Сестра Саймона...

Больше она не успела ничего сказать – порыв холодного ветра взметнул опавшие листья. Изабель подняла руку, закрывая лицо от пыли. В воздухе узнаваемо замерцал полупрозрачный открывающийся Портал, и перед ними предстала Клэри – стило в руке, лицо заплаканное.

4

Те же и бессмертие

– Ты уверена, что это был Джейс? – переспросила Изабель, как показалось Клэри, уже в сорок седьмой раз.

Клэри прикусила и без того израненную губу и посчитала про себя до десяти.

– Изабель, ты правда думаешь, что я бы не узнала Джейса? – она посмотрела на стоявшего над ними Алека, чей синий шарф развевался на ветру, словно знамя. – Вот ты бы мог с кем-нибудь перепутать Магнуса?

– Никогда в жизни, – без промедления ответил Алек, но его синие глаза были полны беспокойства и печали. – Просто... я имею в виду, это естественно, что мы спрашиваем. Ведь это дикость какая-то.

– Возможно, он в заложниках, – предположил Саймон, прислонившийся спиной к валуну. В лучах осеннего солнца его глаза приобрели оттенок молотого кофе. – Что если Себастьян угрожает ему расправой с кем-то, кто дорог Джейсу, если тот не будет на его стороне?

Все посмотрели на Клэри, но та лишь расстроенно покачала головой.

– Вы не видели их вместе. Заложники так себя не ведут. Он выглядел абсолютно счастливым.

– Значит, он одержим, – сказал Алек. – Его околдовали, как тогда Лилит.

– Я сначала тоже так подумала. Но в тот раз он вел себя как робот: повторял одно и то же. А тут был *Джейс*. Он шутил и улыбался, как обычно...

– Может, у него стокгольмский синдром? – предположил Саймон. – Ну, знаешь, когда тебе промывают мозг, и ты начинаешь сочувствовать тому, кто держит тебя в заложниках.

– Чтобы развился стокгольмский синдром, нужны *месяцы*, – возразил Алек. – Как он выглядел? Раненым? Больным? Можешь снова описать их обоих?

Ветер кружил сухие листья, пока Клэри в очередной раз рассказывала друзьям, как выглядел Джейс – здоровым и полным сил. Себастьян тоже. Они казались совершенно спокойными. Одежда Джейса была чистой и стильной как обычно, на Себастьяне был длинный черный фетровый тренч, на вид очень дорогой.

– Прямо злодейская реклама «Берберри», – сказал Саймон, когда Клэри закончила.

Изабель бросила на него убийственный взгляд.

– Может, у Джейса есть план, – сказала она. – Может, он водит Себастьяна за нос. Пытается втереться к нему в доверие и выяснить, что он задумал.

– В этом случае он нашел бы способ нас предупредить, а не заставлял мучиться. Это слишком жестоко, – возразил Алек.

– А что, если он не хочет подвергать нас опасности. Он думает, что мы ему доверяем. И мы ему *доверяем*, – повысила голос Изабель. Ее пробирала дрожь, и девушка обхватила себя руками. Деревья вдоль дорожки из гравия, на которой они стояли, зашелестели голыми ветками.

– Может, нам *стоит* рассказать Конклаву, – сказала Клэри, собственный голос показался ей чужим. – Я... я не знаю, как нам самим с этим справиться.

– Не будем мы ничего рассказывать Конклаву, – отрезала Изабель.

– Почему нет?

– Если они узнают, что он сотрудничает с Себастьяном, то прикажут его убить, – сказал Алек. – Таков Закон.

– Даже если Изабель права, и он просто подыгрывает Себастьяну? – засомневался Саймон. – Пытается на его стороне раздобыть информацию?

– У нас нет доказательств. Кроме того, если о миссии Джейса станет известно Конклаву, есть вероятность, что об этом узнает и Себастьян, и тогда Джейсу не жить, – ответил Алек. – Если же Джейс одержим, Конклав его тоже прикончит. Нет, мы им ничего не скажем, – закончил он. Клэри посмотрела на Алека с удивлением: обычно он был самым рьяным блюстителем Закона, а тут призывает нарушить правила.

– Мы ведь о Себастьяне говорим, – сказала Иззи. – Конклав никого так ненавидит, как его, кроме, разве что Валентина, но он мертв. Практически у любого, кого ни спроси, кто-то из родных и близких погиб на Смертельной войне, а ведь это Себастьян снял барьеры.

Клэри водила ногой по гравию. Все это было похоже на сон, и хотелось поскорее проснуться.

– Тогда что будем делать?

– Поговорим с Магнусом. Посмотрим, есть ли у него какие-нибудь соображения, – Алек дотронулся до кончика своего шарфа. – Он не донесет Конклаву, если я его попрошу.

– Надеюсь, что не донесет – мрачно сказала Изабель. – А то это будет самый худший бойфренд в мире.

– Я же сказал, что он не...

– А смысл? – перебил Саймон. – Я имею в виду, смысл теперь идти к Королеве Фей, когда мы и без нее знаем, что Джейс или одержим, или втирается в доверие...

– Если Королева ждет – надо идти, – твердо сказала Изабель. – Если, конечно, хочется жить.

– Но она же просто заберет у Клэри кольца, а мы так ничего и не узнаем, – возразил Саймон. – У нас теперь есть кое-какая информация, и появились новые. Но вряд ли Королева даст на них ответы, потому что она обещала ответить на старые. Феи так *устроены*. Помощь – не их профиль. И слабо верится, что она отпустит нас поговорить с Магнусом, и потом вернуться.

– Какая разница, – Клэри провела рукой по щеке – она была сухой. Хорошо, что слезы у нее закончились. Не хотелось бы предстать перед Королевой с заплаканным лицом. – Я не принесла кольцо.

– Что? – часто заморгала Изабель.

– Увидев Джейса с Себастьяном, я была в таком шоке... Я просто выбежала из Института и через Портал перенеслась сюда.

– Ну, тогда мы не можем идти к Королеве, – сказал Алек. – Она будет в ярости, если мы придем с пустыми руками.

– Более чем, – вставила Изабель. – Видели, что она сделала с Алеком в прошлый раз? И это был всего лишь гламор – обычные чары. Клэри она, наверное, превратит в лобстера или что-то подобное.

– Она это предвидела, – сказала Клэри. – Помните? Она предупреждала: «Вы можете найти его не совсем таким, каким потеряли».

Голос Королевы фей зазвучал в голове у Клэри, и ее передернуло. Она понимала, за что Саймон так ненавидит фей. Эти бестии знают, какие слова подобрать, чтобы сказанное засело в мозгу как болезненная заноза – и не вытащить, и не забыть.

– Она просто играла с нами. Конечно, кольца ей нужны, но не думаю, что она и вправду нам поможет.

– Думаешь? – засомневалась Изабель. – Но если Королева так хорошо информирована, возможно, она знает и больше. Да и от кого еще ждать помощи, если нельзя обратиться к Конклаву?

– Магнус, – сказала Клэри. – Все это время он пытался расшифровать заклятие Лилит. Может, если я расскажу ему, что я видела, он догадается.

Саймон закатил глаза.

– Хорошо, что мы знакомы с человеком, который встречается с Магнусом, – заявил он. – Иначе, я боюсь, мы бы просто сидели и гадали, какого черта нам дальше делать. Ну, или пошли бы торговать лимонадом, чтобы накопить Магнусу на гонорар.

Алека это слегка раздражало.

– Разве что метамфетамин в лимонад подсыпать – тогда, может, и накопили бы.

– Это просто фигура речи. Мы все в курсе, что труд твоего парня дорого стоит. Было бы неплохо, если б мы не бежали к нему с каждой проблемой.

– Он тоже считает, что это было бы неплохо, – сказал Алек. – У Магнуса на сегодня запланированы другие дела, но вечером я с ним поговорю, и завтра утром можем все вместе встретиться у него в квартире.

Клэри кивнула, хотя с трудом представляла, как утром встать с постели. Конечно, разговор с Магнусом нельзя было откладывать, но чувствовала себя слабой и изможденной, словно в библиотеке Института из нее выпустили несколько литров крови.

Изабель придвинулась к Саймону.

– Полагаю, остаток дня у нас теперь свободен, – сказала она. – Может, пойдем к Таки? Они нальют тебе стаканчик крови.

Саймон покосился на Клэри.

– Хочешь с нами?

– Нет, все нормально. Я поймаю такси до Уильямсбурга. Надо побыть с мамой. Вся эта история с Себастьяном и так была расстроена из-за Себастьяна, а теперь еще это.

Изабель замотала головой, и ее черные волосы взметнулись на ветру.

– Ты не можешь рассказать ей про то, что видела. Она не сможет не поделиться новостями с Люком, а он – член Совета, и обязан обо всем доложить...

– Знаю, – Клэри посмотрела на друзей, они были очень взволнованы. «Как так получилось?» – подумала она. У нее никогда не было секретов от Джослин, а теперь она собиралась пойти домой и скрыть страшную тайну и от мамы, и от Люка. При этом, она делится сокровенным с Алеком и Изабель, Лайтвудами и Магнусом Бейном – людьми, которых знает совсем недавно. Удивительно, как круто может повернуться жизнь, полностью поменяв отношение к привычным вещам.

По крайней мере, у нее был один постоянный друг Саймон. Клэри поцеловала его в щеку, помахала на прощанье остальным и пошла прочь по дорожке парка, чувствуя, как все трое с беспокойством смотрят ей вслед. Опавшая листва под ее подошвами хрустела, как крохотные косточки.

Алек солгал. Занят в этот день был не Магнуса, а он сам.

Он знал, что совершает ошибку, но ничего не мог с собой поделать: жажда выведать тайну действовала как наркотик. И вот он уже под землей, с колдовским огнем в руке и полным непониманием, какого черта он тут делает.

На этой станции, как и любой другой в Нью-Йоркском метро, пахло ржавчиной, сыростью, железом и гнилью. Но было и отличие: здесь была необычная жутковатая тишина. Стены и платформа, не считая следов прошлых потопов, были чистыми. Сводчатый потолок, покрытый зеленой плиткой и украшенный канделябрами. На стене табличка с названием станции: «СИТИ-ХОЛЛ».

Станция была закрыта с 1945 года, хотя ее держали в порядке в качестве транзита; поезда шестой линии, бывало, здесь делали разворот, но очень редко. Чтобы попасть сюда, Алеку пришлось сначала проползти через укрытый зарослями кизила люк в Сити-Холл Парке, а затем прыгнуть с такой высоты, с которой обычный человек, скорее всего, переломал бы себе ноги. Теперь он стоял, вдыхая пыльный воздух, и его сердце билось все чаще.

Об этом месте он узнал из письма, которое ему вручил в фойе дома Магнуса поработенный вампирами. Сначала Алек решил, что ни за что не воспользуется информацией, но так и не смог заставить себя выбросить послание. Он скомкал лист, засунул в карман джинсов, и весь день – даже во время встречи с друзьями в Центральном парке – думал об этом письме.

С Магнусом – та же история. Алек постоянно думал о нем, как о больном зубе – хотя и знал, что от этого будет только хуже, но остановиться невозможно. Магнус не сделал ничего плохого. Он был не виноват в том, что ему исполнилось уже несколько столетий, и раньше у него бывали романы. Мысли об этом тревожили Алека. И теперь еще новости про Джейса... Ему нужно было с кем-то поговорить, куда-то уйти, *что-то сделать*.

И вот он здесь. И *она* тоже здесь – в этом Алек не сомневался. Он медленно шел по платформе. Арки потолка сходились над головой, точно паучьи ноги, из парка через окно лился дневной свет. В конце платформы была небольшая лестница, которая вела вверх и в темноту. Обычный человек разглядел бы там обычную глухую бетонную стену, но Алек увидел дверь, и почувствовал, что за нею гламор. Он тихо пошел вверх по ступеням.

Мрачная комната с низким потолком была едва освещена тусклым светом из аметистового окошка. В одном из темных углов располагался элегантный бархатный диван с изогнутой позолоченной спинкой, и на нем восседала Камилла.

Она была так же прекрасна, какой ее запомнил Алек, хотя в прошлый раз он видел ее не в лучшей форме и при странных обстоятельствах – грязной с ног до головы, она была прикована к трубе в недостроенном здании. Теперь на ней был аккуратный черный костюм и красные туфли на высоких каблуках, а волосы, завитые в локоны, волнистым каскадом спускались по плечам. На коленях у Камиллы лежала открытая книга – «La Place de l'Étoile» Патрика Модияно⁷. Французский Алека был не слишком хорош, но он сумел перевести название: «Площадь Звезды».

Она спокойно смотрела на него.

– Здравствуй, Камилла, – сказал Алек.

– Александр Лайтвуд, – медленно проговорила она. – Я узнала твои шаги на лестнице, – Камилла холодно улыбнулась.

– Неужели у тебя ко мне послание от Магнуса?

Алек промолчал.

– Ну конечно же, нет, – проговорила она. – Какая я глупая. Он ведь даже не знает, где ты.

– Как ты поняла, что это я на лестнице? – поинтересовался Алек.

– Ты Лайтвуд, – ответила вампирша. – В вашем роду не принято сдаваться. Я знала, что ты не забудешь моих слов. Письмо было нужно лишь для того, чтобы освежить твои воспоминания.

– Я не забываю данных мне обещаний. Или ты солгала?

– Той ночью я сказала бы все, что угодно, лишь бы получить свободу, – призналась Камилла, – но я не лгала.

Она наклонилась вперед; ее глаза одновременно сверкали и были темны.

– Ты нефилим, член Конклава и Совета. А я убиваю Сумеречных охотников и за мою голову объявлена награда. Но ты пришел не за тем, чтобы отвести меня к ним, а чтобы получить ответы на свои вопросы. Не так ли?

– Я хочу знать, где Джейс, – ответил Алек.

– Ты хочешь знать... – улыбнулась Камилла. – У меня нет этой информации, и ты это прекрасно понимаешь. Мне известно только, что его забрал сын Лилит, и мне незачем это

⁷ Первый и частично автобиографический роман французского писателя, изданный в 1968 году. Герой, французский еврей, вспоминает о событиях Второй мировой войны, но поскольку он полубезумен от перенесенных страданий, сложно понять, что из его воспоминаний правда, а что выдумка.

скрывать. Она мертва, я ей ничем не обязана. Я знаю, что меня разыскивали, чтобы допросить. Сейчас я могу тебя заверить, я ничего не знаю. Я сказала бы, где твой друг, если бы знала. Зачем мне наживать еще больше врагов среди нефилимов? – она провела рукой по своим густым светлым локонам. – Но ты пришел не за этим. Признайся, Александр.

Дыхание Алека участилось. Он часто думал об этом – лежа без сна рядом с Магнусом, прислушиваясь к его дыханию, и считая каждый свой вздох. Каждый вздох приближал его к старости и смерти. Каждая ночь – к неизбежному концу.

– Ты говорила, что знаешь способ сделать меня бессмертным, – сказал Алек. – Чтобы мы с Магнусом могли быть вместе вечно.

– Говорила? И правда. Надо же.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне про этот способ.

– Я расскажу, – отложив книгу, согласилась Камилла. – В обмен на одну услугу.

– Никаких услуг, – сказал Алек. – Я тебя освободил. Теперь ты скажешь мне то, что я хочу знать. Или сообщу Конклаву – они прикут тебя цепью к крыше Института, и оставят там до рассвета.

– Угрозами меня не испугаешь, – вампириша прищурила глаза.

– Тогда дай мне то, чего я прошу.

Камилла встала, разглаживая складки на жакете.

– Так подойди и возьми, Сумеречный охотник.

И тут все тревоги, страхи и отчаяние, скопившиеся у Алека за последние недели, вырвались наружу. В то же мгновение, когда Камилла обнажила клыки, он бросился на нее. Алек едва успел выхватить из-за пояса клинок серафима прежде, чем вампириша вцепилась в него. Ему уже доводилось сражаться с вампирами – их скорость и реакция ошеломляли. Это было равносильно драке с торнадо. Он отскочил в сторону, перекатился, поднялся на ноги и ударом ноги обрушил на Камиллу лестницу. Благодаря этому маневру он выиграл немного времени – ровно столько, чтобы занести клинок и прошептать: «Нуриэль».

Клинок засиял, словно звезда, и Камилла засомневалась, но затем вновь кинулась на Алека. Атакуя, она разорвала своими длинными ногтями его щеку и плечо. Алек почувствовал теплые струи крови. Он замахнулся на нее мечом, но вампириша взмыла в воздух, ловко уйдя из-под удара, и зловеще расхохоталась.

Алек побежал к лестнице, которая вела на платформу. Камилла бросилась за ним; он отскочил в сторону, развернулся, швырнул ее в воздух, и прыгнул следом. Они столкнулись – Камилла вопила и рвала его когтями, но он крепко держал ее руку, даже когда они рухнули наземь и он сильно ударился. Алек мысленно поблагодарил Джейса, заставлявшего его учить прыжки с переворотом до тех пор, пока не осталось ни одной поверхности, с которой Алек не смог бы взлететь.

Они катались по полу, Алек орудовал клинком серафима – но Камилла уходила от его ударов, двигаясь так быстро, что ее движения сливались в одно мутное пятно. Она вонзила длинный острый каблук ему в ногу. Алек сморщился и выругался, в ответ вампириша разразилась тирадой о ее постельной жизни с Магнусом, вдаваясь в непристойные подробности, пока они не добрались до центра зала, куда из окна в потолке падал солнечный луч. Алек схватил Камиллу за запястье и притянул руку к солнечному кругу.

На коже вампириши вздулись огромные белые волдыри, она завизжала. Алек чувствовал жар, исходящий от ее руки. Он в тень. Камилла оскалилась и попыталась укусить его, и Алек ударил ее локтем в челюсть. Из разбитой губы выступили капли крови.

– Хватит, – крикнул он, – или еще хочешь? – Алек снова потянул руку Камиллы к солнечному свету. Ее ожоги уже начали заживать – красная, покрытая волдырями кожа успела побледнеть.

– Нет! – вскрикнула она и задрожала всем телом. Мгновение спустя Алек понял, что она смеется – хохочет над ним с текущей изо рта кровью.

– Я снова почувствовала себя живой, малыш нефилим. Такая славная драка... пожалуй, мне следует тебя поблагодарить.

– Отблагодари меня ответом на мой вопрос, – тяжело дыша, выговорил Алек, – или я тебя испепелю. Хватит с меня твоих игр.

Камилла широко улыбнулась. Ее раны уже затянулись, хотя лицо все еще было в крови.

– Сделать тебя бессмертным невозможно. Если только с помощью черной магии, или обратив тебя в вампира... но ты отверг эти варианты.

– Ты сказала, есть еще один способ...

– О, разумеется, есть! – ее глаза заблестели. – Ты неспособен стать бессмертным, малыш нефилим – во всяком случае, не на тех условиях, которые бы тебя устроили. *Но ты можешь отнять бессмертие у Магнуса.*

Клэри сидела в своей комнате с ручкой в руке и смотрела на лист бумаги перед собой. Солнце уже зашло, и настольная лампа тускло освещала руну, которую она начала рисовать.

Когда Клэри ехала домой на поезде и смотрела задумчиво в окно, ей вдруг представилось нечто необычное, никогда не виданное прежде. Со станции она со всех ног бросилась домой, пока образ был ярким, заперлась в комнате, проигнорировав расспросы Джослин, и поднесла ручку к бумаге...

В дверь постучали. Мама вошла в комнату, и Клэри поспешно накрыла рисунок чистым листом бумаги.

– Знаю, знаю, – Джослин подняла руку, предвосхищая протест дочери. – Ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Но Люк приготовил ужин, и тебе надо поесть.

Клэри мрачно посмотрела на мать.

– И тебе.

Джослин, как и дочь, в стрессовых ситуациях теряла аппетит, и ее лицо совсем осунулось. Она должна была готовиться к медовому месяцу, паковать чемоданы перед путешествием в какую-нибудь прекрасную далекую страну. Но свадьбу пришлось отложить на неопределенный срок, и Клэри по ночам слышала, как мать плачет за стеной. Девушка хорошо знала, такой плач бывает из-за гнева и чувства вины; плач, означающий: *«Это я во всем виновата»*.

– Я поем, если ты тоже будешь, – сказала Джослин и попыталась улыбнуться. – Люк пасту приготовил.

Клэри повернулась на стуле, заслонив собою стол

– Мам, – начала она, – я кое-что хотела у тебя спросить.

– И что же?

Клэри прикусила кончик ручки – эта дурная привычка была у нее с тех пор, как она начала рисовать.

– Когда я была с Джейсом в Безмолвном Городе, Братья рассказали мне, что при рождении над Сумеречными охотниками совершается ритуал защиты. Проводят его Железные Сестры и Безмолвные Братья. И я тут задумалась...

– Проводили ли ее над тобой?

Клэри кивнула.

Джослин выдохнула и провела рукой по волосам.

– Да, – призналась она, – я устроила церемонию с помощью Магнуса. Там был Безмолвный Брат, поклявшийся хранить тайну, а вместо Железной Сестры – волшебница. Сначала я хотела все отменить. Думала, что хорошо тебя спрятала, и сверхъестественные опасности тебе не грозят. Но Магнус меня уговорил, и оказался прав.

– А кто была эта волшебница? – с любопытством взглянула на мать Клэри.

– Джослин! – раздался голос Люка из кухни. – Вода выкипает!

Джослин быстро поцеловала Клэри в макушку.

– Извини. Срочное кулинарное дело. Увидимся через пять минут?

Клэри кивнула, и вновь повернулась к столу. Руна, которую она начала создавать, не выходила из головы, притягивала к себе. И Клэри завершила набросок. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на свое творение.

Ее руна напоминала руну Открытия, но все же была другой – простой, как крест, новой в этом мире, как новорожденный. В ней таилась угроза, порожденная яростью, виной и бес- сильной злобой.

Руна излучала мощь. Клэри знала, как ее можно применить, но понятия не имела, как использовать магию рисунка в сложившихся обстоятельствах. Обрести эту руну было все равно, что застрять на машине в глуши, отчаянно искать в багажнике автомобильные клеммы, и в конце концов триумфально выудить оттуда удлинитель.

Казалось, волшебные силы Клэри просто издеваются над ней. Выругавшись, она бросила ручку на стол и спрятала лицо в ладони.

Старый госпиталь был тщательно побелен внутри, и помещения зловеще поблескивало. Большинство окон было закрыто ставнями, но даже при таком скудном освещении Майя раз- глядела облетевшую местами штукатурку, провода вдоль стен, мышей, скребущихся в темных углах.

– Восточное крыло я обыскал, там ничего. Что у тебя?

Джордан стоял за ее спиной в темных джинсах и наполовину расстегнутом черном жакете поверх зеленой футболки.

– И в западном ничего, – покачала головой она, – кроме шатких лестниц. Если интересно, архитектура неплохая.

Джордан покачал головой.

– Тогда давай выбираться отсюда. У меня от этого места мурашки по коже.

Майя согласилась, радуясь, что ей не пришлось в этом сознаться. Она спустилась по лест- нице вслед за Джорданом; перила были усыпаны осыпавшейся штукатуркой, словно снегом. Она и сама толком не знала, почему согласилась пойти с ним в патруль, но не могла отрицать, что из них получилась отличная команда.

С Джорданом было легко. Несмотря на то, что произошло между ними перед исчезнове- нием Джейса, он держался уважительно и соблюдал дистанцию, поэтому неловких ситуаций не возникало. Они вышли из госпиталя, когда ярко светила луна; Ставни на окнах огромного здания из белого мрамора были похожи на пустые глазницы. У главного входа в госпиталь гор- билось узловатое дерево, роняя последние листья.

– Только время зря потеряли, – сказал Джордан, внимательно разглядывая старый военно-морской госпиталь, а Майя в это время разглядывала его. Ей нравилось, когда Джордан отвлекался на что-нибудь, и можно было на него смотреть. Так она могла долго любоваться линией его подбородка, темными кудрями, изгибом ключицы под вырезом футболки... и при этом не быть обязанной пойти на что-то большее.

Когда они познакомились, Джордан был смазливый хипстером, угловатым, с длинно- щими ресницами, но с тех пор он возмужал: костяшки пальцев покрылись шрамами, а мускулы плавно перетекали под тесной зеленой майкой. Оливковая кожа – напоминание об итальян- ских корнях – и зеленовато-карие глаза были такими же, какими Майя их помнила, но зрачки теперь обрамляли золотые кольца – метка оборотня. Такие же зрачки Майя видела в зеркале каждое утро – и Джейсон был причиной их позолоты.

– Майя? – он недоуменно глядел на нее. – О чем ты думаешь?

– Ой, – она моргнула. – Я, хм... Нет, не думаю, что обыскивать госпиталь имело смысл. Я имею в виду, что, честно говоря, вообще не понимаю, зачем они нас сюда послали. Бруклинская

верфь? Каким боком сюда могло занести Джейса? Насколько я помню, он не особо увлекался кораблестроением.

Недоумение Джордана сменилось мрачной мимикой.

– Когда в Ист-Ривер сбрасывают трупы, их часто выносят на сушу именно сюда, на верфи.

– Ты мы что тут, *труп* ищем?

– Не знаю, – пожал он плечами, отвернулся и пошел прочь. Сухая, ломкая трава шуршала под его ботинками. – Наверное, я ишу уже просто потому, что сдаваться неправильно.

Они шли медленно плечом к плечу, почти касаясь друг друга. Майя не отводила глаз от панорамы Манхэттена за рекой; в воде отражались алмазно-белые огни города. Когда они дошли до неглубокой Уоллабаутской бухты, им открылся вид на Бруклинский мост и освещенный треугольник Южного морского порта на том берегу. Майя чувствовала запах сточных вод, грязи и дизеля, доносившийся из доков, и душок мелких зверьков, мелькавших в траве.

– Не думаю, что Джейс мертв, – наконец, сказала она. – Мне кажется, он просто не хочет, чтобы его нашли.

Джордан остановился и посмотрел на нее.

– Ты что, хочешь сказать, нам не надо его искать?

– Нет, – сказала Майя и смутилась. Она вела рукой по поверхности небольшого ограждения вдоль реки. От воды их отделяла лишь узкая полоска асфальта. – Когда я сбежала из дома в Нью-Йорк, я тоже не хотела, чтобы меня нашли. Но мне было бы приятно, если бы я знала, что кто-то ищет меня так же упорно, как все ищут Джейса Лайтвуда.

– Джейс тебе нравился? – с деланным безразличием спросил Джордан.

– Нравился? Ну нет, не в *этом* смысле.

Джордан рассмеялся.

– Я имел в виду другое. Хотя, многие его считают привлекательным.

– Это ты сейчас пытаешься продемонстрировать, что до мозга костей натурал? Ну, когда вы притворяетесь, что неспособны понять, симпатичный другой парень или нет. Джейс или волосатый чувак из кафе на Девятой – для вас на одно лицо?

– Ну, у волосатого чувака родимое пятно, так что сравнение в пользу Джейса. Если, конечно, западаешь на таких стройных блондинчиков, – и взглянул тайком на Майю.

– Мне всегда нравились брюнеты, – тихо сказала она.

Джордан перевел взгляд на реку.

– Вроде Саймона.

– Ну... да, – Майя уже давно не думала о Саймоне как о мужчине. – Наверное.

– А еще тебе нравятся музыканты, – Джордан протянул руку и сорвал лист с ветки над головой. – Я к тому веду, что я вокалист, Бат был ди-джеем, а Саймон...

– Мне музыка нравится, – Майя откинула волосы с лица.

– А еще какие предпочтения? – Джордан разорвал лист на мелкие кусочки. Он остановился и запрыгнул на ограждение, оказавшись лицом к ней. – Нравится ли тебе что-нибудь настолько, чтобы всю жизнь этим заниматься?

Майя посмотрела на него в недоумении.

– Ты это о чем?

– Помнишь, когда мне их сделали? – Джордан расстегнул жакет и сбросил его. Футболка на нем оказалась с коротким рукавом. Его бицепсы оплетали мантры шанти на санскрите. Майя прекрасно помнила, эти татуировку Джордану сделала Валери – их общая подруга: бесплатно после работы в тату-салоне в Рэдбэнке. Майя приблизилась к Джордану. Сейчас, когда он сидел, а она стояла, их головы оказались на одном уровне. Она неуверенно провела пальцами по буквам на левой руке, и Джордан закрыл глаза.

– «Веди нас от иллюзорного к сущему, – прочитала она вслух, – веди нас из тьмы к свету. Веди нас от смерти к бессмертию», – его кожа под ее пальцами казалась безукоризненно гладкой. – Это из Упанишад.

– Твоя была идея. Это же ты все время читала, всегда все знала... – Джордан смотрел на нее. Его глаза были почти одного цвета с рекой. – Майя, скажи, что ты хочешь, и я тебе помогу. У меня есть кое-какие накопления – преторам неплохо платят. Я могу отдать их тебе. Надеюсь, этого хватит на учебу в Стэнфорде... ну, на большую ее часть. Если, конечно, ты еще хочешь туда поступить.

– Не знаю, – ответила Майя, в голове у нее все смешалось. – Когда я присоединилась к стае, я думала, нельзя быть одновременно оборотнем и заниматься чем-то еще. Думала, жить в стае и быть личностью невозможно... Но у Люка есть увлечения, книжный магазин. А ты – претор. Наверное... наверное, оборотень может достичь чего-то большего.

– Ты никогда не была просто оборотнем, – глухо проговорил Джордан. – Ты рассказывала сегодня... как ты сбежала из дома, и тебе было приятно думать, что тебя ищут, – он набрал побольше воздуха в легкие. – Я искал тебя, и никогда не переставал искать.

Она посмотрела в его каре-зеленые глаза. Джордан не двигался, но костяшки пальцев, вцепившихся в колени, побелели. Майя наклонилась вперед – так близко, что ей была видна щетина у него на подбородке – и почувствовала его запах: запах молодого мужчины, волка и зубной пасты. Она накрыла его руки своими.

– Что ж, – сказала она, – ты меня нашел.

Их лица были совсем рядом. Джордан поцеловал ее, и Майя прикрыла глаза от удовольствия. Его губы были такими же мягкими, какими она их помнила, и нежно скользили по ее собственным. Майя обняла Джордана за шею, запустила пальцы в темные кудри, легко касаясь его шеи и ворота поношенной футболки.

Он притянул ее ближе. Его била дрожь. Руки Джордана скользнули по ее спине, и Майя почувствовала пульс его сильного тела.

– Майя, – прошептал он и приподнял край ее свитера. – Я люблю тебя, – сказал он, касаясь ее губ своими, – и никогда не переставал любить.

«Ты моя. Ты всегда будешь моей».

Майя вырвалась из его объятий и поправила свитер.

– Джордан. Прекрати.

Он смотрел на нее затуманенным тревожным взглядом.

– Прости. Тебе не понравилось? Я никого, кроме тебя не целовал, после того, как... – он осекся.

Майя покачала головой.

– Нет, просто... просто я не могу.

– Ладно, – сказал Джордан. Сидя на ограждении с несчастным лицом он казался очень уязвленным. – Нам вовсе не обязательно ничего делать...

– Это просто... слишком, – Майя с трудом подбирала слова.

– Это всего лишь поцелуй.

– Ты сказал, что любишь меня, – ее голос дрогнул. – Ты готов был отдать мне все свои сбережения. Я не могу этого принять.

– Что именно не можешь принять? – сдавленным голосом спросил он. – Мои деньги или мою любовь?

– Ни то, ни другое. Просто не могу, понятно? Не от тебя. И не сейчас.

Майя попятилась назад. Джордан смотрел на нее с удивлением.

– Пожалуйста, не ходи за мной, – сказала она, развернулась и убежала прочь.

5

Сын Валентина

Ей снова снились ледяные просторы, мрачная тундра, в черных арктических водах дрейфовали льдины. Покрытые снегом горы и башни городов сверкали, как адские дворцы Аликанте.

Перед ледяным городом простиралось замерзшее озеро. Клэри спускалась к нему по крутому скользкому склону, хотя и не понимала, зачем. В центре озера на льду стояли две темные фигуры. Клэри в очередной раз поскользнулась, ее руки горели, оттого что она цеплялась ими за лед, а в ботинки набился снег. Приблизившись к озеру – она увидела юношу с черными как у ворона крыльями. Его волосы были белые, как снег вокруг. Себастьян... Рядом с ним стоял Джейс, его золотые кудри были единственным ярким пятном в этом черно-белом пейзаже.

Джейс отвернулся от Себастьяна и направился к Клэри, за его спиной распахнулись крылья – сверкающие, серебристо-белые. Клэри в изнеможении рухнула на колени на ледяную поверхность озера. Ее руки посинели и кровоточили, губы потрескались, а легкие полыхали с каждым морозным вдохом.

– Джейс, – прошептала она.

И в тот же миг он оказался рядом, поставил ее на ноги и укутал своими крыльями. Клэри наконец-то стало тепло; лед, сковавший сердце и вены, наконец-то стал таять, в оживающих руках и ногах появилось болезненное, и вместе с тем приятное покалывание.

– Клэри, – сказал Джейс, нежно поглаживая ее по волосам. – Обещаешь, что не будешь кричать?

Клэри распахнула глаза. Все вокруг вращалось, словно она была на карусели. Когда головокружение прекратилось, она поняла, что находится в своей спальне: под ней было знакомое покрывало, знакомая трещина пересекала зеркало на шкафу, обогреватель шипел и плевался. Сквозь окна сочился свет, а над шкафом тускло алела лампочка пожарной сигнализации. Клэри лежала на боку под грудой одеял. По ее спине разливалось приятное тепло, и чья-то рука покоилась на бедре. На мгновение, в полусознательном состоянии между сном и бодрствованием, ей показалось, что это Саймон забрался в окно, пока она спала, и примостился рядом – так они, бывало, в детстве засыпали в одной кровати.

Но Саймон не мог быть теплым.

У Клэри вздрогнула и повернулась. Рядом с нею лежал Джейс, и подперев рукой голову, смотрел на нее. В лунном свете его волосы выглядели как нимб, а глаза сверкали, как у кошки. Он был одет – в белой футболке с короткими рукавами, в которой она его сегодня видела – и руны как лоза обвивали руки.

Клэри испугалась. Джейс, *ее* Джейс, никогда на нее так не смотрел. Бывало, он глядел на нее с желанием – но никогда таким ленивым, хищным, *плотоядным* взглядом, от которого у нее участился пульс.

Она открыла рот – то ли собираясь обратиться к нему, то ли позвать на помощь, она и сама не знала, в тот же миг Джейс навалился на нее и зажал рот рукой. Он оседлал ее, прижав бедрами к кровати.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, – сказал он. – Я бы никогда не причинил тебе боль. Но я не хочу, чтобы ты кричала. Нам надо поговорить.

Клэри гневно посмотрела на него. К ее удивлению, Джейс рассмеялся – все тем же знакомым смехом.

– Я тебя и без слов понимаю, Клэри Фрей. Как только я разожму твой рот, ты заорешь или применишь один из своих приемчиков, и переломаешь мне запястья. Дай мне слово, что ты так не сделаешь. Поклянись Ангелом.

Клэри в ответ закатила глаза.

– Ты права, – признал он. – Как ты поклянешься, если я зажал тебе рот? Я тебя отпущу, но если ты завопишь, – он склонил голову набок, и бледно-золотая прядь упала ему на глаза, – я исчезну.

Джейс убрал руку. Клэри тяжело дышала и не могла пошевелиться – он все еще давил на нее своим телом. Она знала, что у Джейса стремительная реакция, и он опередит любое ее намерение. Происходящее его явно забавляло. Джейс склонился ниже, и Клэри почувствовала на своей коже его упругий живот – она поняла, что ее майка задралась, и Клэри покраснела.

Несмотря на то, что ее лицо горело, по венам бежал холодок.

– Что ты тут делаешь?

Джейс чуть отстранился. Он выглядел разочарованным.

– Ну, знаешь, не такого приема я ожидал. Скорее, рассчитывал услышать «Аллилуйя»⁸ – все-таки не каждый день твой парень восстает из мертвых.

– Я знала, что ты жив, – холодно проговорила Клэри. – Видела тебя в библиотеке с...

– Полковником Мастардом?⁹

– Себастьяном.

Джейс выдохнул и тихонько рассмеялся.

– Я тоже знал, что ты там. Я тебя чувствую.

Клэри напряглась.

– А до того: как ты мог позволить мне думать, будто ты умер? – возмутилась она, – Я думала... я правда думала, что, возможно, ты... – она осеклась, потому что не могла произнести это вслух. *Мертв.* – Это непростительно. Если бы я с тобой так поступила...

– Клэри, – он вновь склонился к ней; его руки на ее запястьях, теплое дыхание. Она всем телом чувствовала, как соприкасаются их обнаженные животы. Это ужасно отвлекало. – Мне пришлось. Это было слишком опасно. Я не хотел поставить тебя перед выбором: рассказать Совету о том, что я жив, и тогда они устроили бы на меня охоту – или хранить тайну, став в глазах Конклава соучастником. Тогда, в библиотеке, мне пришлось повременить. Я должен проверить: любишь ли ты меня как прежде или пойдешь в Совет рассказать о том, что видела. Ты не пошла. Значит, я для тебя важнее Закона. Так ведь?

– Не знаю, – прошептала она, – Кто ты?

– Все тот же Джейс, – сказал он, – и все так же люблю тебя.

Глаза Клэри заволокло слезами. Она моргнула, и горячие капли покатились по щекам. Джейс склонил голову и поцеловал ее сначала в щеки, потом в губы. Клэри почувствовала соль собственных слез на его губах; она приоткрыла рот. Знакомые вкус и жар его поцелуя нахлынули на Клэри, и на мгновение эмоции полностью овладели ею – сомнения отступили перед слепым желанием заставить его *остаться* – но тут дверь спальни открылась.

Джейс отпустил ее, и Клэри спешно поправила майку. Лениво, без спешки, он сел и ухмыльнулся, глядя на фигуру в дверях.

– Ну и ну, – сказал Джейс, – какой своевременный визит. Круче только Наполеон, который пошел завоевывать Россию зимой.

На пороге стоял Себастьян.

Вблизи Клэри увидела, как сильно он изменился со времен Идриса. Его волосы были белыми, как бумага, глаза казались черными дырами в обрамлении длинных, как паучьи лапы,

⁸ Фрагмент из оратории «Мессия» Генделя, прославляющий триумф бога.

⁹ Персонаж детективной настольной игры Cluedo.

ресниц. На Себастьяне была белая рубашка с закатанными рукавами, и Клэри заметила красный шрам на его правом запястье, словно зазубренный браслет. На ладони у него тоже был свежий глубокий шрам.

– Между прочим, ты мою сестру лапаешь, – заявил он. Казалось, происходящее его веселит.

– Ну, извини, – вызывающе сказал Джейс, и по-кошачьи растянулся на одеяле. – Мы тут немного увлеклись.

Клэри вдохнула так сильно, что у нее чуть не заложило уши.

– Пошел *вон* отсюда, – скомандовала она Себастьяну.

Тот прислонился к дверному косяку – и Клэри поразились тому, насколько у них с Джейсом одинаковая пластика. Они были абсолютно не похожи, но *двигались* одинаково.

– Ну и ну, – укоризненно сказал Себастьян, – разве так разговаривают со старшими братьями?

– Жаль, что Магнус не оставил вешалку для тебя, – огрызнулась Клэри.

– А, так ты не забыла? Мне кажется, мы замечательно тогда провели день, – он усмехнулся, и Клэри вспомнила, как он водил ее на пепелище дома Джослин и целовал среди руин – прекрасно зная, что они приходятся друг другу родственниками и упиваясь ее неведением.

Клэри покосилась на Джейса. Когда-то он, узнав об этом случае, чуть не убил Себастьяна. Но сейчас Джейс выглядел расслабленным, только, разве что, немного расстроенным из-за того, что их прервали.

– Надо бы повторить, – сказал Себастьян, разглядывая свои ногти. – Чаше встречаться в кругу семьи и все такое.

– Ты мне не брат, – процедила Клэри. – Ты убийца.

– Не вижу противоречий, – возразил Себастьян. – Одно не исключает другого – да хоть на нашего папочку посмотри.

Он лениво перевел взгляд обратно на Джейса.

– Вообще, я не любитель вмешиваться в личную жизнь друзей, но торчать в коридоре, не имея возможность даже свет включить – скучно.

Джейс сел, поправляя рубашку.

– Дай нам пять минут.

Себастьян театрально вздохнул, вышел и захлопнул дверь. Клэри уставилась на Джейса.

– Какого че...

– Не выражайся, Фрей, – Джейс прищурился. – Расслабься.

Клэри указала рукой на дверь.

– Ты слышал его слова. Он *знал*, что я его сестра, когда поцеловал меня. Джейс...

Золото его глаз стало на миг темнее... но когда Джейс заговорил, Клэри поняла, что ее слова остались без внимания. Она отстранилась.

– Джейс, ты меня совсем не слушаешь?

– погоди, я понимаю, что тебе неуютно, когда твой брат ждет в коридоре и все такое. Я не *планировал* с тобой целоваться, – Джейс улыбнулся, и при иных обстоятельствах она нашла бы его улыбку весьма милой. – Просто мне вдруг показалось, что это хорошая идея.

Клэри выбралась из постели, не отрывая от него взгляда, сняла с вешалки халат и закуталась в него. Джейс наблюдал, не пытаясь ее остановить – только глаза сияли в темноте.

– Я... я просто не понимаю. Сначала ты пропадаешь, а теперь возвращаешься с ним под ручку, и ведешь себя так, будто ничего не произошло.

– Я уже сказал, мне надо было тебя проверить. И не хотел, чтобы ты знала, где я, пока тебя допрашивал Конклав. Я думал, тебе будет трудно...

– *Мне* будет трудно? – задохнулась от гнева Клэри. – Экзамены и полоса с препятствиями – вот, что трудно. А когда ты исчез – я чуть не умерла! А что, по-твоему, чувствовал Алек?

Изабель? Мариза? Ты хоть знаешь, каково нам пришлось? Можешь хоть представить? Не знать ничего, искать...

Его лицо вновь приняло странное выражение, словно Джейс одновременно и слышал ее, и не слышал.

– Ах да, точно, – ангельски улыбнулся он, – как раз хотел спросить. *Меня* все еще ищут?

– Ищут ли тебя... – Клэри покачала головой, кутаясь в халат. Ей вдруг захотелось закрыться от него – от его красоты и соблазнительной улыбки, которые обещали сделать все, что угодно для нее, кто бы ни стоял сейчас за дверью.

– Я надеялся, они хоть объявления повесят, – сказал он, – как делают, когда теряют кошек. «Пропал подросток необычайно привлекательный. Откликается на «Джейс» или «Красавчик».

– Я сделаю вид, что не слышала этого.

– Тебе не нравится «Красавчик»? А как насчет «Сладенькие щечки»? Или «Любименький»? Хотя, это, пожалуй, уже слишком. С другой стороны, у моей семьи британские корни...

– Заткнись, – с яростью сказала Клэри, – и убирайся.

– Я... – Джейс, казалось, был обескуражен, и ей вспомнилось, какой ошарашенный у него был вид, когда она оттолкнула его возле Особняка. – Ладно, хорошо. Давай без шуточек. Кларисса, я пришел забрать тебя с собой.

– Забрать куда?

– Со мной, – сказал он и, задумавшись на секунду, прибавил, – и Себастьяном. Я все объясню.

Клэри застыла, не отводя от него взгляд. Серебристый лунный свет очерчивал контуры его губ, скул, тени от ресниц и линию шеи.

– В последний раз, когда я пошла с тобой, меня вырубili и притащили на ритуал черной магии.

– Это был не я, а Лилит.

– Джейс Лайтвуд, которого я знаю, не смог бы находиться в одной комнате с Джонатаном Моргенштерном, не пытаясь его убить.

– Думаю, ты согласишься, что технически это было бы самоубийство, – безмятежно сказал Джейс, натягивая на ноги ботинки. – Мы связаны. Если ранить его – я истеку кровью.

– Связаны? Что ты имеешь в виду?

Джейс проигнорировал вопрос, откинув светлые волосы с лица.

– Все сложнее, чем ты думаешь, Клэри. У него есть план. Он готов трудиться и жертвовать. Если бы ты только позволила мне все объяснить...

– Он убил Макса, – напомнила она. – Твоего младшего брата.

Джейс вздрогнул, и Клэри показалось, что ей наконец-то удалось до него достучаться – но выражение его лица снова стало расслабленным, словно разгладили смятую простыню.

– Там было... это был несчастный случай. К тому же, Себастьян тоже мой брат.

– Нет, – Клэри покачала головой, – он не твой брат, а, к сожалению, мой. Лучше бы он вообще не родился...

– Как ты можешь такое говорить? – возмутился Джейс и рывком спустил ноги с кровати. – Тебе никогда не приходило на ум, что мир не черно-белый, как ты его себе представляешь? – он потянулся за поясом и принялся его натягивать. – Тогда была война, Клэри, и люди гибli, но сейчас все изменилось! Теперь я знаю, что Себастьян никогда не причинил бы зла никому, кто мне дорог – во всяком случае, сознательно. Он служит высшему благу. А издержки везде случаются...

– Ты называешь своего брата *издержками*? – не веря своим ушам, Клэри почти срывалась на крик. Ей не хватало воздуха.

– Клэри, ты меня не слышишь, а это важно...

– Валентин тоже думал, что его дела важные...

– Он ошибался, – отрезал Джейс. – Его отношение к Конклаву было правильным, эта организация отжила свое, но неверно представлял, как исправить положение. Но Себастьян на правильном пути. Если бы ты только выслушала нас...

– Нас, – повторила она. – Господи боже, Джейс...

Он глядел на нее, и сердце Клэри разрывалось от переполнявших ее чувств, но мозг лихорадочно работал, пытаясь вспомнить, куда она засунула стил, и сообразить, успеет ли достать нож из тумбочки...

И что делать, если она доберется до него.

– Клэри? – Джейс наклонил голову набок, всматриваясь в ее лицо. – Ты же еще любишь меня?

– Я люблю Джейса Лайтвуда, – сказала Клэри. – А кто *ты*, я не знаю.

Его лицо исказилось, но прежде, чем Джейс успел что-либо сказать, тишину разорвал вопль, а затем звук бьющегося стекла.

Клэри сразу поняла, что кричала ее мать.

Не глядя на Джейса, она распахнула дверь и бросилась вниз по коридору, в гостиную. Джослин стояла возле стойки, которая разделяла кухню и гостиную. Она была в тренировочных штанах и поношенной футболке, небрежно закрученным пучком волос – видимо, вышла на кухню попить. У ее ног лежали осколки стакана, и серый ковер был в темных пятнах от воды.

Бледная как полотно, Джослин глядела в другой конец комнаты, и Клэри знала, даже не оборачиваясь, кого она видит.

Своего сына.

Себастьян стоял в гостиной, прислонившись к стене, и его лицо было лишено всякого выражения. Прикрыв глаза, он смотрел Джослин. Он чем-то напоминал семнадцатилетнего Валентина с фотографии, хранившейся у Ходжа.

– Джонатан, – шепнула Джослин. Клэри застыла как вкопанная, в гостиную ворвался Джейс, и тоже замер. Его левая рука лежала на поясе; тонкие пальцы находились в паре сантиметров от кинжалов, и Клэри знала – Джейсу нужно меньше секунды, чтобы пустить один из них в ход.

– Теперь меня зовут Себастьян, – произнес брат Клэри. – Я решил, что не хочу носить имя, которым вы с отцом меня наградили. Вы оба меня предали, и я предпочел бы иметь с вами как можно меньше общего.

Вода из разбитого стакана на ковре очертила ноги Джослин темной линией. Женщина шагнула вперед, лихорадочно вглядываясь в Себастьяна.

– Я думала, ты умер, – прошептала она. – Я видела, как твои кости превратились в пепел. Себастьян сузил свои черные глаза.

– Будь ты настоящей хорошей матерью, ты бы знала, что я жив. Кто-то сказал: мать всю жизнь носит ключ от души своего ребенка; но мой ключ ты выкинула.

Джослин вскрикнула, и оперлась на стойку, чтобы не упасть. Клэри хотела броситься к ней на помощь, но ее ноги словно примерзли к полу. Что бы ни происходило сейчас между ее матерью и братом – она не могла изменить.

– Только не говори, что ты совсем не рада меня видеть, – продолжил Себастьян, с наигранной обидой. – Или я не такой сын, о котором ты мечтала? – раскинул он руки. – Сильный, красивый и, к тому же, вылитый папочка.

– Что ты хочешь, Джонатан? – с посеревшим лицом спросила Джослин.

– То же, что и все, – ответил Себастьян. – Вернуть себе то, что принадлежит мне по праву. А если конкретнее – наследство Моргенштернов.

– Кровь и разрушение – вот что такое наследство Моргенштернов, – сказала Джослин. – Мы с дочерью отрелись от этого рода.

Джослин все еще держалась за стойку, но Клэри видела – глазах матери вновь заблестели.

– Если ты сейчас же уйдешь, Джонатан, я не сообщу Конклаву про твой визит, – она перевела взгляд на Джейса, – и про твой тоже. Если они узнают о вашем сотрудничестве – вас обоих убьют.

Клэри машинально заслонила собой Джейса. Он продолжал смотреть поверх ее плеча на Джослин.

– А вам не все равно, умру я или нет? – спросил Джейс.

– Мне не все равно, что станет после этого с моей дочерью, – отрезала Джослин. – Закон суров – пожалуй, даже *слишком*. Но твою деградацию еще можно обратить вспять, а вот тебя, Джонатан, – она вновь перевела взгляд на Себастьяна, – уже не спасти.

Джослин вскинула руку, которой держалась за стойку, в ней блеснул кинжал Люка. На ее лице блестели слезы, но рука крепко держала оружие.

– А правда, мы похожи как две капли воды? – уточнил Себастьян, как будто не заметил кинжала. – С Валентином. Поэтому ты на меня так смотришь?

Джослин помотала головой.

– Ты похож только на себя самого, с тех самых пор, как я тебя впервые увидела. На демона, – произнесла она с грустью. – Мне жаль...

– Чего тебе жаль?

– Что не убила тебя сразу, – сказала Джослин и направилась к нему, не опуская кинжал.

Клэри напряглась, но Себастьян не пошевелился. Его темные глаза следили за матерью.

– Так вот чего ты хочешь? – спросил он. – Чтобы я умер? – он раскинул руки, словно приглашая Джослин упасть к нему в объятия, и шагнул вперед. – Давай. Убей собственного сына. Останавливать не стану.

– *Себастьян*, – произнес Джейс. Клэри не верила своим ушам. Неужели он волновался за ее брата?

Джослин сделала еще шаг, и нацелила острие кинжала прямо в сердце Себастьяна.

Но даже тогда он не пошевелился.

– Давай, – тихо произнес он и наклонил голову набок. – Или не можешь? У тебя был шанс убить меня, когда я родился. Но ты этого не сделала.

Он понизил голос.

– Вероятно, ты понимала, что детей любят безусловно, вопреки всему. Может, если бы ты сильнее меня любила, то смогла бы меня спасти.

Льдисто-зеленые глаза Джослин встретились с угольно-черными глазами Себастьяна. В ее уголках рта появились морщины, которых Клэри не замечала еще две недели назад.

– Ты притворяешься, – дрожащим голосом сказала она. – Ты ничего не чувствуешь, Джонатан. Отец научил тебя изображать человеческие эмоции, как попугая учат повторять слова. Птица не понимает, что говорит; и тебе, как бы мне этого ни хотелось – никогда не понять.

Джослин взмахнула кинжалом. Идеальный удар, когда лезвие проходит между ребер и пронзает сердце. Ему не суждено было случиться, Себастьян оказался еще быстрее Джейса; он отклонился, и острие клинка лишь немного задело его грудь.

Джейс громко вздохнул за спиной у Клэри, она обернулась и увидела, как по его футболке расплзается красное пятно. Он коснулся его кончиками пальцев; те окрасились кровью. *Мы связаны. Если ранить его – я истеку кровью.*

Клэри бросилась через комнату и встала между Джослин и Себастьяном.

– Мам, – выдохнула она, – хватит.

Джослин все еще сжимала кинжал, не отрывая взгляда от Себастьяна.

– Уйди с дороги, Клэри.

Себастьян расхохотался.

– Какая прелесть! – воскликнул он. – Сестричка защищает старшего брата.

– Я не *тебя* защищаю, – Клэри не сводила глаз с лица матери. – Что бы ни случилось с Себастьяном, то же самое случится с Джейсом. Понимаешь? Если ты его убьешь, Джейс умрет. Он уже истекает кровью. Мама, пожалуйста...

Джослин не выпускала кинжал, но в глазах появилось сомнение.

– Клэри...

– Боже, как неловкая ситуация, – отметил Себастьян. – Даже интересно, как вы из нее будете выпутываться. Вообще-то, торопиться мне некуда...

– Вообще-то, – раздался голос из коридора, – есть куда.

Люк – босой, в старом свитере, с взъерошенными волосами и без очков он выглядел намного моложе, чем обычно. Приложив к плечу обрез, он целился в Себастьяна.

– Это двенадцатизарядный помповый винчестер, – пояснил он. – Из таких отстреливают одичавших оборотней. Даже если я тебя не убью, сын Валентина – ногу отстрелю, уж будь уверен.

Казалось, все в комнате затаили дыхание – все, кроме Люка. И Себастьян, ухмыляясь, развернулся и пошел прямо на Люка, словно не замечая ружья.

– *Сын Валентина*, – повторил он. – Вот как ты обо мне думаешь? При других обстоятельствах я мог бы быть твоим крестником.

– При других обстоятельствах, – ответил Люк, положив палец на спусковой крючок, – ты мог бы быть человеком.

Себастьян остановился.

– Как и ты, оборотень.

Время словно замедлилось. Люк стоял прицелившись. Себастьян улыбался.

– Люк, – сказала Клэри. Происходящее было похоже на кошмар, когда хочется кричать во все горло, но можешь только прошептать. – Люк, *не надо*.

Палец ее отчима дернулся на спусковом крючке – и тут Джейс бросился вперед, перемахнул через диван и врезался в Люка. В ту же секунду прозвучал выстрел.

Пуля прошла одно из окон, и стекло разлетелось вдребезги. Люк, потеряв равновесие, отшатнулся назад. Джейс выхватил у него из рук ружье и отшвырнул в сторону. Винчестер вылетел в разбитое окно, и Джейс вновь повернулся к мужчине.

– Люк... – начал он, но не договорил, получив удар в лицо.

Люк, который постоянно заступался за Джейса перед Джослин, был мягким и добрым – ударил Джейса, и не просто ударил, а так, что он отлетел к стене... Клэри опешила, как будто ударили ее саму.

Себастьян, все это время сохранявший хладнокровие, вдруг оскалился и выхватил из-за пояса длинный, узкий кинжал. Глаза Люка расширились, он кинулся в сторону, но Себастьян оказался быстрее. Клэри никогда не видела, чтобы кто-то так стремительно двигался. Даже Джейс. Он вонзил кинжал Люку в грудь по самую рукоятку и с силой провернул его, прежде, чем выдернуть. Люк повалился назад – и сполз по стене на пол, оставляя кровавый след.

Джослин завопила. Ее крик был пронзительнее звука пули, пролетающей сквозь стекло, но Клэри слышала его как будто издалека. Она смотрела на Люка, лежащего на полу; ковер вокруг него стремительно краснел.

Себастьян вновь занес кинжал – и Клэри бросилась на него, стараясь сбить с ног. Она лишь немного сдвинула его с места, но он выронил кинжал и обернулся к ней. Из разбитой губы Себастьяна сочилась кровь. К ним подошел Джейс – удар Люка пришелся ему на губу, и из нее капала кровь.

– Довольно! – Джейс вцепился в куртку Себастьяна. Он был бледным и выглядел растерянным. – Мы не за этим сюда пришли.

– Отпусти меня...

– Нет, – Джейс схватил Себастьяна за руку. Он встретился взглядом с Клэри и прошептал что-то. Кольцо на пальце Себастьяна сверкнуло серебром – и оба они исчезли. В следующее мгновение что-то просвистело в воздухе и вонзилось в стену.

Кинжал Люка.

Клэри обернулась на мать, но Джослин на нее не смотрела. Она бросилась к Люку, села на окровавленный ковер и уложила его голову себе на колени. Глаза оборотня были закрыты, из уголков рта сочилась кровь. Кинжал Себастьяна лежал неподалеку.

– Мам, – прошептала Клэри, – он...

– Кинжал был серебряный, – дрожащим голосом сказала Джослин. – Он долго не оправится, ему нужно особое лечение.

Она коснулась лица Люка кончиками пальцев. Клэри с облегчением заметила, что его грудь вздымается и опускается – Люк дышал. Она чувствовала, как слезы подступают к горлу, и удивилась спокойствию матери. Перед ней была женщина, которой довелось стоять на пепелище собственного дома в окружении обгоревших тел, среди которых были родители и сын, и это не сломило ее дух.

– Принеси мне полотенца, – сказала мать. – Надо остановить кровь.

Клэри, пошатываясь, направилась в маленькую, отделанную плиткой ванную, стащила с крючка серое полотенце и вернулась в гостиную. Джослин одной рукой придерживала голову Люка на коленях; в другой держала мобильный телефон. Как только Клэри вошла, Джослин бросила телефон на пол и потянулась за полотенцем. Она сложила его пополам и прислонила к ране. Серые края полотенца сразу же стали алыми.

– Люк, – прошептала Клэри. Он не шевелился, и его лицо было серого цвета.

– Я позвонила в его стаю, – сказала Джослин. Она не смотрела на дочь; до Клэри вдруг дошло, что Джослин ни разу не спросила ее ни о Джейсе с Себастьяном, ни о том, почему Джейс появился из ее спальни, и чем они там занимались. Все ее внимание было сосредоточено на Люке. – Несколько членов стаи как раз неподалеку патрулируют. Как только они приедут, нам надо уходить. Джейс вернется за тобой.

– Откуда ты знаешь... – начала Клэри.

– Знаю, – отрезала Джослин. – Валентин вернулся за мной пятнадцать лет спустя. Моргенштерны все такие, они никогда не сдаются. И он придет за тобой.

Джейс – не Валентин. Но у Клэри уже не было сил говорить. Ей хотелось упасть на колени перед Люком, стиснуть его руку, и сказать, как сильно она его любит. Но тут же вспомнила руки Джейса, ласкающие ее тело в спальне, и промолчала. Это она была во всем виновата и не заслуживала чести утешать ни Люка, ни себя. Она заслужила только боль.

На крыльце раздались шаги и приглушенные голоса. Джослин вскинула голову.

Стая.

– Клэри, собирай вещи, – приказала она. – Возьми все, что считаешь нужным, но не больше, чем сможешь унести. В этот дом мы не вернемся.

6

Нет оружия в этом мире

Падал первый снег. Мелкие снежинки сыпались с серого неба на Клэри и ее мать. Пригнув головы от пронизывающего ветра с Ист-Ривер, они торопливо шли вдоль Грин-пойнт-авеню.

С тех пор, как они оставили Люка на заброшенном полицейском участке, служившем стае штаб-квартирой, Джослин не произнесла ни слова. Они смутно помнили, что происходило там: стая внесла внутрь своего вожака, достали походную аптечку, сомкнувшиеся волчьи ряды... Клэри понимала, почему его нельзя везти в обычную больницу, но и бросать его там, в темной камере, ставшей по случаю приемным покоем – было очень тяжело.

Нельзя сказать, что волкам не *нравились* Клэри и Джослин. Но невеста Люка и его дочь не были членами стаи. Клэри хотела найти Майю – свою союзницу, но ее не было среди оборотней. Потом Джослин отправила Клэри в коридор, поскольку в комнате стало не протолкнуться. Девушка села на пол, уложив рюкзак на колени. Пробыло два часа ночи. Никогда в жизни ей не было так одиноко. Если Люк умрет...

Она и не помнила свою жизнь без Люка. Благодаря ему и матери Клэри знала, что это такое безусловная любовь. Одним из ее первых воспоминаний было, как Люк подсаживает ее на яблоню на его ферме за городом. В лазарете, когда Бат – третий по старшинству в стае – распаковывал аптечку, Люк дышал неровно и прерывисто. Клэри вспомнила, что такое дыхание бывает перед смертью. А вот какие были последние слова, которые она сказала Люку, не помнила.

Когда, наконец, изможденная Джослин вышла из приемного покоя, она подала Клэри руку и помогла встать.

– Он... – начала Клэри.

– Состояние стабильное, – сообщила Джослин и окинула взглядом коридор. – Нам надо идти.

– Куда? – изумилась Клэри. – Я думала, мы останемся здесь, с Люком. Я не хочу его бросать.

– И я не хочу, – твердо сказала Джослин. Клэри вновь подумала о женщине, бросившей Идрис и все, что у нее было, чтобы начать новую жизнь. – Но Джейс и Джонатан придут искать тебя сюда. Это опасно и для стаи, и для Люка.

– Тогда куда... – начала Клэри, но не договорила. Она догадалась, куда они пойдут в поисках помощи?

Растрескавшийся тротуар напоминал сахарную глазурь. Перед выходом из дома Джослин надела длинное пальто, скрыв под ним залитую кровью одежду. Она шла, стиснув зубы и глядя перед собой. Клэри подумала, что, наверное, так ее мать выглядела, когда уходила из Идриса, с пеплом на ботинках и Чашей Смерти за пазухой.

Клэри потрясла головой, чтобы отбросить никчемные мысли. Она предавалась пустым мечтаниям, воображая себе то, чего никогда не видела – возможно, так ее разум защищался от ужаса того, что она *видела*.

Непрошенный образ Себастьяна, вонзающего кинжал в Люка, встал у нее перед глазами, и в ушах зазвучал знакомый, любимый голос Джейса: «...издержки».

«Так нередко случается с утраченными драгоценностями, вы можете найти его не таким, каким потеряли».

Джослин повела плечами и накинула на голову капюшон. На ярко-рыжие пряди упали снежинки. Она все еще хранила молчание, и бело-желтая ночная улица, вдоль которой поль-

ские и русские ресторанчики чередовались с цирюльнями и салонами красоты, была пустынно. Перед глазами Клэри мелькнуло воспоминание – на сей раз реальное, а не игра воображения. *Они идут по темной улице, петляя между грязными сугробами. Мать потирает плечи. Над ними низкое, свинцово-серое небо...*

Она видела это прежде – когда Безмолвные Братья впервые проникали в ее разум. Теперь было понятно, что она вспомнила, как мать водила ее к Магнусу откорректировать память. Должно быть, в тот раз была поздняя зима, но Клэри все равно узнала Гринпойнт-авеню.

Бывший склад из красного кирпича, в котором жил Магнус, возвышался над ними. Джослин открыла стеклянную дверь, и они вошли внутрь здания. Потом им пришлось три раза позвонить в домофон, пока не открылась дверь в подъезд. Они поднялись вверх по лестнице. Чародей ждал их на пороге квартиры, прислонившись к архитраву¹⁰. На нем была канареечно-желтая пижама, зеленые шлепанцы в виде прищельцев с пружинками-антеннами. Спутанные волосы Магнуса сбились в одно кудрявое, торчащее во все стороны черное пятно, из-под которых устало моргали золотисто-зеленые глаза.

– Добро пожаловать в приют святого Магнуса для бездомных Сумеречных охотников! – низким голосом провозгласил он.

Волшебник сделал широкий жест рукой:

– Спальни для гостей там. Вытирайте ноги, – и отступил в квартиру, пропустив Клэри и Джослин внутрь и захлопнув за ними дверь. На сей раз жилище Магнуса было оформлено в псевдо-викторианском стиле: повсюду стояли диваны с высокими спинками и большие зеркала в позолоченных рамах. Колонны были увиты гирляндами с лампочками в форме цветков.

За гостиной, вдоль коридора располагались три свободные комнаты; Клэри наугад выбрала ту, что справа. Спальня была выкрашена в оранжевый цвет, так же как ее старая комната в Парк-слоуп. Здесь стоял диван-кровать, а из маленького окошка открывался вид на потемневшие витрины закрытого кафе. На кровати, укрыв нос хвостом, свернулся Председатель Мяо. Клэри уселась рядом и погладила его по ушкам, чувствуя, как дрожит, мурлыкая, маленькое пушистое тельце. Клэри заметила, рукав ее свитера был в темных пятнах – это была кровь Люка.

Она вскочила и рывком стянула с себя свитер. Достала из рюкзака пару чистых джинсов, черную термо-водолазку, и переоделась. В оконном стекле она увидела свое отражение – бледное лицо, мокрые от снега волосы свисают тяжелыми плетями, веснушки как брызги краски. Но Клэри было все равно как она выглядит. Ей вспомнился поцелуй Джейса – казалось, с того момента прошли дни, а не несколько часов – и у нее закололо в желудке, словно она наглоталась ножей.

Она схватилась за край кровати, подождала, пока утихнет боль, потом сделала глубокий вдох и вернулась в гостиную.

Джослин сидела в кресле с позолоченной спинкой; ее длинные пальцы художника обхватили кружку кипятка с лимоном. Магнус расположился на ярко-розовом диване, закинув ноги в шлепанцах на кофейный столик.

– Состояние у него стабильное, – устало рассказывала Джослин, – но неизвестно, как долго оно продержится. В стае говорили, на клинке могло быть серебряное напыление, но, похоже, это что-то другое. Кончик ножа... – она посмотрела на Клэри и замолчала.

– Мам, все нормально. Я уже достаточно взрослая, чтобы выслушать, что случилось с Люком.

– Ну, они не уверены, – мягко сказала Джослин. – Кончик лезвия отломился и засел в кости. Они не могут его достать, потому что он... двигается.

– Двигается? – Магнус был озадачен.

¹⁰ Нижняя часть колонны.

– Когда они попытались его извлечь, тот проник еще глубже в кость и почти всю ее раздробил, – объяснила Джослин. – Обычно оборотни быстро исцеляются, но этот клинок вспарывает ему внутренности и не дает ране затянуться.

– Да, это не серебро, а демонический металл, – подытожил Магнус...

Джослин наклонилась вперед.

– Ты сможешь ему помочь? Я заплачу, сколько бы это ни...

Магнус встал. Его тапки-пришельцы и встрепанные после сна волосы казались крайне неуместными в данной ситуации.

– Не знаю.

– Но ты же вылечил Алека, – сказала Клэри. – Когда его ранил Высший Демон...

Магнус принялся расхаживать по комнате.

– Я знал, что с ним случилось. Но мне непонятно, какой это демонический металл. Я мог бы поэкспериментировать, испробовать разные исцеляющие заклятия, но быстро вылечить Люка не получится.

– Что же делать? – спросила Джослин.

– «Претор Люпус» – сказал Магнус. – Волчья стража. Я знал человека, который основал этот орден – Вулси Скотта. В силу некоторых обстоятельств... он овладел знаниями о демонических металлах и средствами исцеления оборотней – примерно как Безмолвные Братья собирают и записывают способы лечения Сумеречных охотников. К несчастью, с годами организация стала закрытой. Но претор мог бы получить доступ к их сведениям.

– Но Люк не претор, – возразила Джослин. – А расписание их патрулей держат в тай...

– Джордан! – перебила ее Клэри. – Он претор, и может все выяснить. Я ему позвоню...

– *Лучше это сделаю я*, – отрезал Магнус. – В штаб «Претор Люпус» мне не попасть, но я передам послание, которое придаст словам Джордана больший вес. Сейчас вернусь, – и волшебник прошлепал на кухню. Антенны на его тапочках мягко покачивались, как водоросли, подхваченные течением.

Клэри обернулась к матери – та смотрела на свою кружку с кипятком. Это был один из любимых напитков Джослин. Клэри не разделяла ее пристрастия к теплой подкисленной воде. Волосы матери промокли от снега и, высыхая, начали завиваться – как и у Клэри, когда была влажная погода.

– Мам, – сказала Клэри, и Джослин подняла глаза. – Когда ты бросала нож, ты целилась в Джейса?

– В Джонатана, – Джослин никогда не называла его Себастьяном.

– Просто... – Клэри глубоко вздохнула, – это почти то же самое. Ты же видела. Когда ты ранила Себастьяна, у Джейса пошла кровь. Как будто они... как отражения друг друга. Ранишь Себастьяна, и Джейс истечет кровью. Убьешь его, и Джейс умрет.

– Клэри, – Джослин потерла усталые глаза, – мы можем поговорить об этом в другой раз?

– Но ты же сказала, он за мной вернется. Он – в смысле, Джейс. Обещай, что ты ничего ему не сде...

– Значит, так, Клэри, этого я не могу тебе обещать. – Взгляд ее матери был тверд. – Я видела, как вы вдвоем вышли из спальни.

Клэри залилась краской.

– Я не хочу...

– Что не хочешь? Говорить об этом? Ты сама подняла эту тему. Кстати, тебе повезло, что я больше не член Конклава. Как давно ты знаешь, где Джейс?

– Я *не* знаю, где он. Сегодня я впервые говорила с ним с тех пор, как он исчез. Вчера я *видела* его в Институте с Се... с Джонатаном. И рассказала Алеку, Изабель и Саймону. Но больше я никому не могла рассказать. Если Конклав до него доберется... я не могу этого допустить.

Джослин не сводила с нее зеленых глаз.

– Почему же нет?

– Потому что это Джейс и я люблю его.

– Это *не* Джейс. Как ты не понимаешь, Клэри. Он не тот, кем был раньше. Неужели ты не видишь, что...

– Вижу! Я не дура. Но я в него верю. Он и раньше был одержим, пока с него не сняли заклятие. Я чувствую, в глубине души он тот же Джейс – только надо найти способ его спасти.

– А если нет такого средства?

– Докажи, что нет.

– Нельзя доказать того, что не существует, Кларисса. Я понимаю, что ты его любишь, даже слишком сильно. Думаешь, я не любила твоего отца и не давала ему шанса? И погляди, что из этого вышло: Джонатан. Если бы я раньше ушла от твоего отца, он бы не родился...

– *И я бы тоже. Я младше* своего брата, если помнишь, – Клэри пристально посмотрела на мать. – Или ты думаешь, что лучше бы и я не родилась?

– Нет, я...

Лязгнул замок, и входная дверь распахнулась. На пороге стоял Алек. На нем был длинный кожаный плащ, под ним синий свитер, на черных волосах белели снежинки. Щеки Алека покраснели от холода и выглядели как яблоки в карамели. Он выглядел озабоченным.

– Где Магнус? – спросил он и взглянул в сторону кухни. Клэри заметила у него синяк под ухом – размером с отпечаток большого пальца.

– Алек! – Магнус вбежал в гостиную и послал возлюбленному воздушный поцелуй. Чародей сбросил тапочки и теперь был бос, его кошачьи глаза при виде Алека засияли.

Клэри знала этот взгляд. Она сама так смотрела на Джейса. Алек, впрочем, не ответил взаимностью: он стряхнул снег с плаща и повесил его на вбитый в стену крючок. Юноша явно был расстроен: его руки дрожали, а широкие плечи были напряжены.

– Ты получил мою смс-ку? – спросил Магнус.

– Ага, но я уже был в паре кварталов отсюда, – Алек с сомнением и беспокойством посмотрел на Клэри и затем – на ее мать. Хотя Джослин и приглашала Алека в гости, и виделись они неоднократно, они не были хорошо знакомы. – Магнус сказал правду? Ты снова видела Джейса?

– И Себастьяна, – сказала Клэри.

– Давай про Джейса, – сказал Алек. – Как тебе... в смысле, как он, вообще?

Клэри поняла, что он имеет в виду; они с Алеком понимали друг друга лучше, чем остальные.

– Он не пытается обмануть Себастьяна, – тихо ответила она. – Он и вправду изменился...

– Серьезно? – воскликнул Алек. В его голосе смешались гнев и обида. – Как именно он изменился?

Клэри начала ковырять дырку на колене в джинсах, царапая кожу.

– Он говорит по-другому, верит в Себастьяна – считает, тот поступает верно, несмотря ни на что. Я напомнила ему про убийство Макса, но ему все равно, – ее голос дрогнул. – Он сказал, Себастьян ему тоже брат.

Алек побледнел; румянец на его щеках теперь алел как пятна крови.

– Он что-нибудь говорил обо мне? Или об Иззи? Он про нас спрашивал?

Клэри покачала головой, и отвернулась, не в силах смотреть Алеку в лицо. Краем глаза она заметила: Магнус тоже с волнением наблюдал за Алеком. Интересно, подумала Клэри, он до сих пор ревнует его к Джейсу? Или просто сочувствует Алеку?

– Почему он пришел к тебе? – Алек помотал головой. – Не понимаю.

– Он хотел, чтобы я пошла с ним. Присоединилась к ним с Себастьяном. Кажется, они мечтают, чтобы их злодейский дуэт превратился в трио, – она пожала плечами. – Может быть, ему одиноко. Себастьян – не самая лучшая компания.

– Откуда ты знаешь? Может, он в «Эрудит» играет как бог, – вставил Магнус.

– Он чокнутый убийца, – сухо сказал Алек. – И Джейс это знает.

– Но Джейс теперь другой... – начал Магнус, но зазвонил телефон. – Я возьму. Возможно, кто-то еще скрывается от Конклава и ищет пристанище? Не в гостиницу же идти.

Волшебник пошлепал на кухню, а Алек плюхнулся на диван.

– Он слишком много работает, – с беспокойством глядя вслед возлюбленному, пояснил он. – Сидит ночи напролет, пытается расшифровать те руны.

– Его нанял Конклав? – уточнила Джослин.

– Нет, – ответил Алек. – Он делает это ради меня. Знает, как много значит для меня Джейс.

Он закатал рукав и показал Джослин руну *парабат* на предплечье.

– Ты знал, что Джейс жив, – сказала Клэри. Она снова попыталась осознать случившееся, – благодаря этой связи между вами. Но чувствовал, что что-то не так.

– Потому что он одержим, – сказала Джослин. – Валентин говорил, что когда Люк стал принадлежать Нижнему миру, он тоже почувствовал, что что-то не так.

Алек покачал головой.

– Когда Джейс был одержим Лилит, – сказал он, – я этого *не* чувствовал. А теперь чувствую. Что-то не так, – он уставился на свои ботинки. – Когда твой *парабат* умирает – ты как будто привязан к тросу, который лопается, и ты падаешь в бездну.

Он поглядел на Клэри.

– Однажды я почувствовал это в Идрисе, во время боя. Но это длилось секунду. Когда я вернулся в Аликанте, Джейс был жив и здоров. Я убедил себя, что мне показалось.

Клэри помотала головой, вспоминая о Джейсе и окровавленном песке на берегу Лейк-Лин. *Не показалось.*

– А сейчас совсем другие ощущения, – продолжил Алек. – Он не мертв, но его нет в этом мире. Не в плену, а... Просто *не здесь*.

– Именно, – согласилась Клэри. – Оба раза, что я видела их с Себастьяном, они исчезали. Портала не было – просто они есть, а через секунду их нет.

– Когда бы говорим о *тут* и *там*, – Магнус зевая возвращался из кухни, – об этом мире и том, – мы говорим об измерениях. Немногие волшебники владеют магией измерений. Мой старый друг Рагнор один из них. Измерения не связаны друг с другом – они сложены, как листы бумаги, между которыми можно создать пространственно-временной карман, куда магия не проникает. Получается, ты не *тут*, а *там*.

– Может, поэтому мы и не можем его выследить? А Алек – почувствовать? – предположила Клэри.

– Возможно, – Магнус был впечатлен. – Найти их практически невозможно – если только они сами этого не захотят. А если бы даже ты их *нашла*, то не смогла бы нам сообщить. Сложная, затратная магия. У Себастьяна, должно быть, связи в...

Запищал дверной звонок, и все вздрогнули. Магнус закатил глаза.

– Спокойно, – скомандовал он и исчез в прихожей. Мгновение спустя волшебник вернулся с человеком, облаченным в длинную мантию цвета пергамента, спина и полы которой были раскрашены красно-коричневыми рунами. Капюшон скрывал лицо незнакомца, а мантия была совершенно сухой, словно на нее не упало ни снежинки. Когда гость откинул капюшон, Клэри узнала Брата Захарию.

Джослин поставила кружку на кофейный столик, глядя на Безмолвного Брата. Без капюшона были видны только его темные волосы – лицо по-прежнему скрывала тень, поэтому Клэри не видела его глаз, только высокие скулы с татуировками рун.

– Вы, – произнесла Джослин. – Но Магнус сказал, что вы никогда не...

«Чрезвычайные ситуации требуют чрезвычайных мер, – голос Брата Захарии раздался в голове Клэри; по лицам остальных было件нятно, что они его тоже слышат. – Ни о чем, что станет известно этой ночью, я не сообщу ни Совету, ни Конклаву. Возможность спасти последнего отпрыска рода Эрондейлов я считаю более значимой, нежели обязательства, лежащие на мне перед Конклавом».

– Значит, решено, – сказал Магнус. Они с Безмолвным Братом были той еще парочкой – один бледный как смерть и облаченный в мантию, другой – в ярко-желтой пижаме. – С рунами Лилит что-нибудь прояснилось?

«Я внимательно изучил руны и заслушал все показания, данные в Совете, – ответил Брат Захария. – Полагаю, что ритуал состоял из двух частей. Сначала она воспользовалась укусом Дневного, чтобы привести в сознание Джонатана Моргенштерна. Его тело было ослаблено, но разум и жажда жизни сильны. Я полагаю, когда Джейс Эрондейл остался с ним наедине на крыше, Джонатан зачерпнул силу из рун Лилит и заставил Джейса войти в зачарованный круг. В этот момент его воля подчинилась себе волю Джейса. Я полагаю, что из крови Джейса он извлек силу, позволившую ему взлететь и покинуть крышу, забрав Джейса с собой».

– И это каким-то образом связало их друг с другом? – спросила Клэри. – Когда моя мама ранила Себастьяна, кровотечение открылось у Джейса.

«Да. Лилит совершила ритуал по созданию близнецов, похожий на церемонию парабатай, но более мощный и опасный. Они теперь нерушимо связаны. Если умрет один, умрет и другой. В этом мире нет оружия, которое может ранить лишь одного из них».

– Вы говорите, они нерушимо связаны, – сказал Алек, наклонившись вперед, – но Джейс Себастьяна ненавидит. Он убил нашего брата.

– Да и Себастьян Джейса не особо любит. Он ему всю жизнь завидовал, – добавила Клэри. – Считал его любимчиком Валентина.

– Не говоря уже о том, что Джейс его убил, – заметил Магнус, – тут у любого осадочек останется.

– У меня создалось впечатление, что Джейс ни о чем таком не помнит, – с досадой сказала Клэри. – Не то, чтобы совсем не помнит – скорее, не верит.

«Он помнит. Но сила их связи такова, что мысли Джейса избегают этих фактов, как вода расступается перед валунами в русле реки. Это сродни заклятию, который Магнус накладывал на твой разум, Кларисса. Когда ты видела фрагменты Незримого мира, твой разум отвергал их. Бессмысленно взывать к разуму Джейса, говоря ему о Джонатане. Истина не способна разрушить их связь».

Клэри вспомнила странное выражение лица Джейса, когда она напомнила ему, что Себастьян убил Макса; на мгновение он задумался, но потом снова стал беспечным, как будто забыл об услышанном.

«Пусть тебя утешит хотя бы то, что Джонатан Моргенштерн связан с Джейсом не меньше, чем Джейс с ним. Он не может причинить ему ни вреда, ни боли», – добавил Брат Захария.

– Так у них теперь любовь-морковь? – всплеснул руками Алек. – Друзья навек, значит? – ревность в голосе юноши были очевидны.

«Нет, они стали не друзьями. Они стали друг другом. Каждый видит глазами другого, они оба знают, что стали незаменимы друг для друга. Себастьян – лидер, сильнейший из двоих. Если он верит во что-то, будет верить и Джейс. Если пожелает что-то, Джейс это сделает».

– Выходит, он одержим, – тусклым голосом сказал Алек.

«При одержимости нередко часть разума человека остается нетронутой. Те, кто был под действием чар, рассказывают, что наблюдали свои действия со стороны и кричали, но их никто не слышал. Однако тело и разум Джейса всецело принадлежат ему самому. Он убежден, что находится в своем уме, и верит, что делает именно то, что хочет».

– Тогда что ему нужно от меня? – дрожащим голосом спросила Клэри. – Зачем он пробрался в мою комнату?

Она надеялась, что не покраснела, и пыталась не думать об их поцелуе и о тяжести его тела, накрывшего ее в постели.

«Он все еще любит тебя, – ответил Брат Захария, и голос его стал неожиданно мягким. – Весь его мир вращается вокруг тебя. Его чувство не изменилось».

– И поэтому нам пришлось бежать, – процедила Джослин. – Он вернется за ней. Нам нельзя было оставаться в участке. Даже не знаю, где она будет в безопасности...

– Здесь, – сказал Магнус. – Я поставлю барьеры, через которые не пройдут ни Джейс, ни Себастьян.

Клэри увидела, как облегчение в глазах матери.

– Спасибо, – произнесла Джослин.

Магнус лишь махнул рукой.

– Тебе спасибо. Обожаю отгонять от порога разгневанных Сумеречных охотников, а если еще и одержимых – то вообще супер!

«Он не одержим», – напомнил Брат Захария.

– Вопрос терминологии, – поморщился Магнус. – Самое главное: что они замышляют?

– Клэри рассказывала, в библиотеке Себастьян говорил Джейсу, что скоро он будет управлять Институтом, – вспомнил Алек. – Они точно *что-то* задумали.

– Должно быть, продолжают дело Валентина, – решил Магнус. – Очистим Нижний мир от нелюдей, вырежем всех нефилимов-диссидентов и все такое прочее.

– Возможно, – неуверенно протянула Клэри. – Джейс говорил, что Себастьян, мол, старается ради высшего блага.

– И одному Ангелу известно, как это понимать, – сказала Джослин. – Я много лет была замужем за фанатиком и хорошо знаю, что значит «высшее благо»: пытаться невинных, жестоко убивать, предавать бывших друзей – и все во имя какой-то идеи, которая на поверку оказывается алчностью и тщеславием под маской красивых слов.

– Мам! – Клэри стало не по себе от горечи в словах матери.

Но Джослин не сводила глаз с Брата Захарии.

– Вы сказали, в этом мире нет оружия, которое может ранить лишь одного из них, – процитировала она его слова. – Добавлю: нет оружия, о котором вам было бы известно...

Глаза Магнуса вдруг сверкнули как у кошки в луче прожектора.

– Думаешь...

– Железные Сестры сведущи во всем, что связано с оружием. Возможно, у них есть ответ, – закончила Джослин.

Клэри знала, что Железные Сестры были сектой сродни Безмолвным Братьям, но губы и глаза им не зашивали. Они обитали в крепости в полной изоляции, и об их местонахождении никто не знал. Сестры не воевали – они были творцами; создавали оружие, стило, клинки серафима, которыми пользовались Сумеречные охотники. Некоторые руны могли делать только Железные Сестры, и никто не знал секреты плавки серебристо-белой субстанции – *адамаса*, которой начиняли демонические башни, стило и колдовские камни. Железных Сестер почти никто не видел – они не посещали заседаний Совета и не пересекали границ Аликанте.

«Возможно», – после долгой паузы согласился Брат Захария.

– Если существует оружие, которое может убить Себастьяна, но пощадит Джейса – станет ли Джейс прежним?

Повисло еще более долгое молчание. Потом Брат Захария произнес:

«Да. Это наиболее вероятно».

– Тогда надо отправляться к Сестрам, – усталость давила на Клэри, как тяжелый плащ, глаза слипались, а во рту был вкус горечи. Она потерла глаза, пытаясь взбодриться. – Немедленно.

– Я не могу, – сказал Магнус. – В Адамантовую Цитадель может войти только Сумеречный охотник женского пола.

– Ты тоже не пойдешь, – сказала Джослин своей дочери голосом, не терпящим возражений – с такой же строгостью она запрещала Клэри ходить с Саймоном в клуб после полуночи. – Здесь, с барьерами, ты будешь в безопасности.

– Изабель, – предложил Алек. – Ее впустят.

– А ты хотя бы знаешь, где она? – спросила Клэри.

– Дома, наверное, – сказал Алек, пожав плечами. – Я могу ей позвонить...

– Я позабочусь об этом, – перебил его Магнус, доставая из кармана телефон и набивая смс-ку с невероятной скоростью. – Уже поздно, а будить ее не стоит. Всем нам надо отдохнуть. Если я кого-то и отправлю к Железным Сестрам, то только завтра.

– Я тоже пойду, – сказала Джослин. – Меня никто не ищет, и Изабель не помешает компании. Хотя я и не Сумеречный охотник, но когда-то им была.

– Это нечестно, – возмутилась Клэри.

– Клэри... – мать даже не взглянула на нее.

Клэри вскочила с дивана.

– Я эти две недели провела как в тюрьме, – дрожащим голосом сказала она, – Конклав не пускал меня искать Джейса. А теперь, когда он пришел – *ко мне!* – вы не пускаете меня к Железным Сестрам...

– Это *опасно*. Джейс, скорее всего, следит за тобой...

У Клэри лопнуло терпение.

– Каждый раз, когда ты заботаешься о моей безопасности, ты мне жизнь ломаешь!

– Ты сама себе ее ломаешь, общаясь с Джейсом! – возразила мать. – Все твои беды – из-за него! Кларисса, да он тебе нож к горлу приставлял...

– Это был не он, – произнесла Клэри самым тихим, убийственным голосом, на который только была способна. – Думаешь, я была бы с парнем, который мне угрожал, даже если бы сильно любила его? Может, ты слишком долго прожила среди простых смертных, так я напомню – *магия существует*. Человек, причинивший мне боль, был не Джейс, а демон в его обличье. И тот, кого мы ищем сейчас, тоже не Джейс. Но если он умрет...

– Джейса не вернуть, – проговорил Алек.

– Шансов почти нет, – согласилась Джослин. – Клэри, посмотри правде в глаза! Ты думала, вы с Джейсом брат и сестра! Ты все поставила на карту, чтобы его спасти, а в результате Высший Демон воспользовался им, чтобы добраться до тебя! Когда ты уже поймешь, что *вам не судьба быть вместе?*

Клэри отшатнулась, словно мать ее ударила. Брат Захария стоял неподвижно, как статуя, как будто не слышал криков. Магнус и Алек смотрели на них во все глаза; Джослин покраснела, и взгляд ее искрился гневом. Клэри молча, чтобы не сказать лишнего, развернулась, добрела до гостевой спальни Магнуса и захлопнула за собой дверь.

– А вот и я, – сказал Саймон. В саду на крыше завывал холодный ветер, и Саймон засунул руки в карманы джинсов. Он не мерз, скорее сделал это по привычке.

– Я пришел, – повысив он голос, – где ты?

Оранжевую на крыше отеля Гринвич на зиму закрывали, поэтому здесь было безлюдно. Здесь все было оформлено в английском стиле: аккуратно подстриженный бонсай, изящно расставленная мебель из стекла и ротанга, китайские зонтики, трепетавшие на суровом ветру. Голая изгородь, обычно увитая розами, оплетала стены крыши как паутина, а над стенами мерцали огни даунтауна¹¹.

– Я здесь, – раздался голос, и от плетеного кресла отделилась стройная тень. – Я уже не думал, что ты придешь, Дневной.

– Рафаэль, – Саймон двинулся вперед по деревянному настилу между цветочными клумбами и отделанными горным хрусталем искусственными прудиками. – Я и сам не думал.

Приблизившись к вампиру, Саймон смог его разглядеть. На нем был черный костюм с закрученными рукавами и сверкающими запонками в форме цепей. Лицо Рафаэля было ангельским, но взгляд ледяной.

– Когда тебя, Льюис, вызывает глава вампиров Манхэттена, ты обязан явиться.

– А если нет, что ты сделаешь? Вобьешь в меня осиный кол? – Саймон раскинул руки. – Давай, попробуй. Делай, что хочешь. Ни в чем себе не отказывай.

– Dios¹², какой же ты зануда, – сказал Рафаэль. За ним, у стены, блестел мотоцикл, на котором он приехал.

Саймон опустил руки.

– Это ты меня позвал.

– У меня к тебе предложение, – пояснил Рафаэль. – Деловое.

– Да что ты. У вас в отеле рук не хватает?

– Мне нужен телохранитель.

Саймон смерил его взглядом.

– Ты что, «Телохранителя»¹³ пересмотрел? Не надейся, что я влюблюсь в тебя и буду носить на мускулистых руках.

Рафаэль в ответ закатил глаза.

– А если ты будешь молчать при исполнении своих обязанностей, я доплачу.

Саймон уставился на него.

– Ты что... серьезно?

– Стал бы я с тобой встречаться, если бы не серьезно. Нашел бы компанию поприятнее, – Рафаэль сел обратно в кресло. – Камилла Белькур на свободе и в Нью-Йорке. Сумеречные охотники с головой ушли в эту заварушку с сыном Валентина, и следить за Камиллой не станут. А для меня она представляет серьезную угрозу, хочет вернуть Манхэттенский клан под свой контроль. Большинство его членов мне верны. Так что самый простой способ для нее подняться наверх – убить меня.

– Допустим, – медленно проговорил Саймон. – Но при чем тут я?

– Ты Дневной, и можешь защитить меня днем, когда наши братья беспомощны. И на тебе Метка Каина. Если ты встанешь между нами, Камилла не решится нанести удар.

– Все это так, но я отказываюсь.

Рафаэль расстроился.

– Но почему?

– Ты что, издеваешься? – взорвался Саймон. – С тех самых пор, как я стал вампиром, ты ничего для меня не сделал! Наоборот, из шкуры вон лез, чтобы превратить мою жизнь в кошмар, а меня прикончить! Так что, выражаясь по-вампирски, с превеликим удовольствием довожу до Вашего сведения, мой сир... *иди ты нафиг*.

¹¹ Центральная часть города, преимущественно деловая.

¹² Боже (*исп.*)

¹³ Культовый фильм с Уитни Хьюстон в главной роли о любви телохранителя и его клиентки – эксцентричной певицы.

– Наживать в моем лице врага неблагоразумно, Дневной. Как друзья мы...

Саймон рассмеялся.

– погоди, ты сказал: *Друзья*? Ты это называешь дружбой?

Рафаэль обнажил клыки, и Саймон понял, он и впрямь очень зол.

– Я знаю, почему ты мне отказываешь, Дневной, дело не в обиде, которую ты сейчас пытаешься изобразить. Ты так много общаешься с Сумеречными охотниками, что возомнил себя одним из них. Тебя часто видели в их компании. Вместо того, чтобы охотиться – как положено вампиру – ты проводишь ночи с дочерью Валентина, а живешь – под одной крышей с оборотнем. Ты нас позоришь.

– Интересно, ты всегда так делаешь деловые предложения?

– Определись, кто ты: вампир или Сумеречный охотник, – оскалился Рафаэль.

– Ну, если надо выбирать, предпочитаю быть Сумеречным охотником. Исходя из моего опыта, вампиры сосут. Извини, ничего личного.

Рафаэль поднялся.

– Ты совершаешь очень серьезную ошибку.

– Я уже сказал, что...

Вампир прервал Саймона взмахом руки.

– Грядет великая тьма, которая очистит Землю огнем и тенью, а когда она схлынет, от твоих драгоценных Сумеречных охотников не останется и следа. Мы, Дети Ночи, единственные, кто ее переживет, поскольку это наша стихия. Но если ты отрицаешь свою сущность – погибнешь, и никто тебе не поможет.

Саймон машинально коснулся Метки на лбу. Рафаэль беззвучно рассмеялся.

– Ах да, конечно. Ангельское клеймо. Грядущая тьма поглотит все, даже ангелов. Их сила тебя не спасет. И молись, Дневной, чтобы не потерять Метку до войны – желающие тебя прикончить выстроятся в очередь. И я буду в ней первым.

Клэри долго лежала на диване Магнуса, уставившись в потолок. Она слышала, как Джо-слин ушла в свою спальню и с грохотом захлопнула дверь. До нее доносились голоса Магнуса и Алека из гостиной. Клэри хотела дожидаться, когда они уйдут спать, но вспомнила слова Алека про то, что Магнус сидит над рунами допоздна; хотя Брат Захария их растолковал, но эти двое еще не скоро наговорятся друг с другом и пойдут спать.

Она села на кровати рядом с Председателем Мяо, который недовольно фыркнул в знак протеста, и принялась рыться в рюкзаке. Клэри вытащила и раскрыла прозрачную пластиковую коробочку; внутри лежали цветные карандаши, несколько мелков и стило.

Она встала, положила стило в карман куртки. Взяла со стола телефон и набрала смс-ку: «Встретимся у Таки». Удостоверившись в том, что сообщение отправилось, засунула телефон в карман джинсов и глубоко вдохнула.

Она понимала, что поступает нечестно по отношению к Магнусу. Он обещал ее матери присмотреть за ней, и убегая ночью из дома, она очень подводила его. Но сама она никому ничего не обещала. И к тому же, речь шла о Джейсе.

Клэри достала стило, приставила наконечник к оранжевой стене и принялась рисовать Портал.

Оглушительный стук в дверь разбудил Джордана. Он подскочил на кровати и спрыгнул на пол. Годы преторианских тренировок отточили его рефлексy, среди которых был чуткий сон. Быстро оглядев комнату и приняв хавшись, Джордан удостоверился, что она пуста; лишь лужица лунного света лежала на полу под ногами.

В дверь снова заколотили, и Джордан понял: стучат с улицы. Обычно он спал в одних трусах; натянув джинсы и футболку, Джордан пинком распахнул дверь спальни и вышел в

коридор. Если пьяным студентам пришло в голову поразвлечься, что ж, они пришли по адресу – к разъяренному оборотню.

Возле двери Джордан остановился. Перед его глазами – как и каждую ночь перед сном – возник образ Майи, убегающей от него. Ее лицо, когда она отстранилась на верфи... Джордан знал: он зашел слишком далеко, и поторопился. И самое ужасное, что ничего не исправить. Хотя... может, она передумала? Было же время, когда их отношения состояли из страстных ссор и не менее страстных примирений.

С бьющимся сердцем он распахнул дверь – и заморгал.

На пороге стояла Изабель Лайтвуд; длинные, блестящие волосы струились до талии. На ней были черные замшевые сапоги до колен, узкие джинсы и алая шелковая блузка, на шее привычно сверкала темно-красная подвеска.

– *Изабель?* – Джордан не смог скрыть своего удивления, скорее даже, разочарования.

– Ну, э-э... я вообще-то тоже не тебя тут искала, – заявила Изабель, протискиваясь мимо него в дом. Она пахла Сумеречным охотником – нагретым на солнце стеклом – и розовыми духами. – Мне нужен Саймон.

– Два часа ночи! – сощурил глаза Джордан.

– Он вампир, – пожала Изабель плечами.

– Но я-то нет.

– О-о, это что же, – улыбнулась Изабель. – Я тебя разбудила?

Она дотронулась да расстегнутой верхней пуговицы на его джинсах и кончиком ногтя скользнула по плоскому животу. Джордан почувствовал, как все его мускулы напряглись. Как ни крути, Иззи была роскошна. А еще – она немного пугала. Джордан недоумевал, как скромный Саймон с ней справлялся.

– Застегнуться не хочешь? Кстати, симпатичные труселя.

Она прошла мимо него, направляясь в спальню Саймона. Джордан поплелся следом, на ходу застегивая джинсы и ворча себе под нос, что нет ничего странного, если на трусах танцующие пингвины.

Изабель заглянула в комнату Саймона.

– Никого.

Она захлопнула за собой дверь и, прислонившись к стене, посмотрела на Джордана.

– Так ты говоришь, сейчас два часа ночи?

– Ну да. Он, наверное, у Клэри. В последнее время он частенько там ночует.

Изабель закусила губу.

– А, ну да. Конечно.

У Джордана возникло неприятное чувство, что он сказал лишнее.

– Так ты не просто так сюда пришла? – осведомился он. – Что-то случилось?

– Нет, что ты, – махнула рукой Изабель. – Все хорошо, не считая того, что мой брат похищен и ему промыл мозги злобный демон, убивший другого моего брата, еще мои родители разводятся, а Саймон с *Клэри*...

Она осеклась и прошла мимо него в гостиную. Джордан посеменил следом. Он догнал Изабель на кухне, где она рылась в шкафах.

– У вас найдется что-нибудь выпить? Бароло? Сагрантино?

Джордан приобнял ее за плечи и осторожно вывел из кухни.

– Присядь, – сказал он. – Налю тебе текилы.

– Текилы?

– У нас только текила. Ну, и еще сироп от кашля.

Изабель уселась на стул возле кухонной стойки, и побарабанила пальцами по столешнице. Джордан думал, ее ногти длинные, красные или розовые, в идеальном состоянии, но Изабель

была Сумеречной охотницей – ее руки были в шрамах, а ногти – коротко обрезаны. На правой руке поблескивала черная руна Ясновидения.

– Пойдет.

Джордан достал бутылку «Куэрво», налил стопку текилы и запустил по стойке к Иззи. Она одним глотком все выпила, и со стуком поставила стопку на место.

– Маловато будет, – заключила она, перегнувшись через стойку и отобрала у Джордана бутылку. Запрокинув голову, Изабель приложилась к горлышку – один глоток, второй, третий. Когда она опустила бутылку, щеки ее покраснелись.

– Где ты так пить научилась? – усмехнулся Джордан, он был впечатлен, но немного напуган.

– В Идрисе наливают с пятнадцати. Хотя никто особенно не парится насчет возраста. Я с детства пила разбавленное вино наравне с родителями, – пожала плечами Изабель. Ее жест был менее изысканным, чем обычно.

– Понял. Ну ладно, если ты хочешь что-то передать Саймону, или что-то у меня узнать, я...

– Не-а, – Изабель вновь отпила из бутылки. – Я напилась в стельку и пришла с ним поговорить, а он у Клэри. Логично.

– Я думал, это была твоя идея.

– Ага, – согласилась Изабель, ковыряя этикетку на бутылке, – моя.

– Тогда вели ему не ходить, – предложил Джордан максимально рассудительным, как ему казалось, голосом.

– Не могу, – устало сказала Изабель. – Я ей обязана.

Джордан облокотился на стол. Он почувствовал себя барменом из кино, которые раздают клиентам мудрые советы.

– Она что, жизнь тебе спасла?

– Не мне, *Джейсу*. Она могла попросить у ангела Разиэля что угодно, и спасла моего брата. Знаешь, я мало кому доверяю по-настоящему: маме, Алеку, Джейсу и Максу. Одного из них я уже потеряла. А другого не потеряла только благодаря Клэри.

– Думаешь, ты не сумеешь доверять кому-то, кроме родственников?

– Ну, с Джейсом у меня нет кровного родства, – Изабель избегала смотреть Джордану в глаза.

– Я о другом, – Джордан взглядом указал в сторону комнаты Саймона.

Иззи поморщилась.

– Сумеречные охотники соблюдают кодекс чести, оборотень, – заявила она, мгновенно превратившись в надменного нефилима – и Джордан сразу же вспомнил, за что жители Нижнего мира их недолюбливают. – Клэри спасла одного из Лайтвудов. Я обязана ей жизнью. Если я не могу отплатить ей своей жизнью – зачем бы она ей понадобилась? – я сделаю все, чтобы она была хоть немного счастливее.

– Ты не можешь *отплатить* ей Саймоном. Изабель, он – личность. И делает то, что сам хочет.

– Ну да, – протянула она. – Ходить к Клэри ему, видимо, не в тягость?

Джордан засомневался. В словах Изабель была доля истины. Саймон говорил, что с Клэри ему общаться проще, чем с кем бы то ни было. А однажды он сказал, что парни «липнут к Клэри», и выглядел расстроенным. Была ли это ревность, Джордан не знал. Он не был уверен даже в том, возможно ли забыть первую любовь навсегда. Особенно, когда видишь ее каждый день.

Изабель щелкнула пальцами.

– Эй! Ты меня слушаешь?

Она склонила голову набок, сдула длинную темную прядь с лица и посмотрела на Джордана сурово.

– Что у вас с Майей происходит?

– Ничего, – сказал Джордан, вкладывая особый смысл в это слово. – Не уверен, что она хоть когда-нибудь перестанет меня ненавидеть.

– Вообще-то, я могу ее понять, – заявила Изабель.

– Спасибо.

– Не люблю утешать, – сообщила Иззи и отодвинула бутылку. Она не сводила глаз с Джордана, и взгляд ее был игривым. – Иди-ка сюда, волк.

Она понизила голос, и он стал сексуальным. Джордан сглотнул – в горле внезапно пересохло. Он вспомнил, как увидел Изабель в красном платье на задворках фабрики «Айрон-воркс» и подумал тогда: *и этой девушке Саймон изменяет с Майей?* Ни Иззи, ни Майя не были девушками, которым можно было изменить.

Но и отказать им было невозможно. Он осторожно обошел стойку и приблизился к Изабель. Она взяла его за руки и притянула к себе. Провела пальцами по его широким плечам и выпуклым бицепсам. Сердце Джордана забилося чаще. От нее исходило тепло, пахло духами и текилой.

– Ты потрясающий, – выговорила Изабель, прислонив ладони к его груди. – Знаешь это?

Джордан подумал: чувствует ли она через футболку, как бьется его сердце? Он замечал, как смотрят на него девушки (а порой и парни), и свое отражение в зеркале ему нравилось, но он не придавал своей внешности особого значения. Ему было безразлично только мнение Майи. Конечно, девушки пытались его соблазнить, хотя они были не такими красавицами как Изабель, и действовали не так откровенно. Джордан гадал, поцелует она его или нет. С пятнадцати лет он не целовался ни с кем, кроме Майи. Изабель смотрела на него снизу вверх, ее глаза были большие и темные, а приоткрытые губы – цвета клубники. Интересно, думал Джордан, на вкус они тоже как клубника?

– И мне плевать, – сказала Изабель.

– Изабель, не думаю, что нам... *В смысле?*

– Мне не плевать, потому что есть Майя, и я не стала бы сдирать с тебя одежду, но дело в том, что мне и *не хочется*. Странно.

– А, – с облегчением сказал Джордан, но был немного разочарован. – Ну и... это хорошо?

– Я *постоянно* о нем думаю, – пожаловалась она. – Это ужасно. Со мной такого никогда не было.

– Ты про Саймона?

– Гадкий костлявый мальчишка, – заявила Изабель и сняла руки с его груди. – Хотя, не такой уж и костлявый, и уже не мальчишка. Мне с ним хорошо, он умеет развеселить, и я люблю его смех. Знаешь, сначала улыбается одним уголком рта, потом... ну ты знаешь.

– Не обращал внимания, – сказал Джордан.

– И я скучаю, когда он не рядом, – призналась Изабель. – Я думала... ну, не знаю, после той ночи и всей этой истории с Лилит между нами что-то изменилось. Но теперь он все время с Клэри. А я даже не могу на нее злиться.

– У тебя брат пропал.

– Что? – уставилась на него Изабель.

– Ну, он пытается подбодрить Клэри, которая переживает из-за потери Джейса, – объяснил Джордан. – Но Саймон и *тебя* должен поддерживать. Если на нее ты не можешь злиться, то в отношении него имеешь на это полное право.

Изабель долго молча смотрела на него.

– Но мы не пара, – наконец, сказала она. – Он не мой парень, просто *нравится*... Вот черт, – поморщилась Изабель, – поверить не могу, что сказала это. Кажется, я пьянее, чем думала.

– Да я уже понял, – улыбнулся ей Джордан.

Изабель не удостоила его ответной улыбки, но пристально посмотрела.

– А ты милый, – сказала она. – Если хочешь, могу сказать Майе про тебя что-нибудь хорошее.

– Спасибо, не надо, – ответил Джордан. Он не знал, что Иззи подразумевает под словом «хорошее», и не решился выяснять. – Знаешь, это нормально, нуждаться в обществе человека, которого... – он чуть было не сказал «любишь», но вовремя вспомнил, что Иззи ни разу не употребила это слово, – который тебе небезразличен. Думаю, Саймон просто не в курсе, как ты к нему относишься.

Ресницы Иззи широко распахнулись.

– А он про меня что-нибудь говорил?

– Он думает, ты очень сильная, – сказал Джордан. – И что он тебе не нужен. Думаю, он чувствует себя... лишним в твоей жизни. Считает, ему нечего тебе дать, ты и так совершенство и такой парень как он тебе не нужен.

Джордан заморгал; он сам не ожидал от себя такой откровенности, и не был уверен, что все сказанное относилось к Саймону, а не к нему самому и его отношению к Майе.

– Ты считаешь, мне надо признаться ему в своих чувствах? – тихо спросила Изабель.

– Да. Определенно.

– Ладно, – она дотянулась до текилы и сделала большой глоток. – Сейчас же пойду к Клэри и все ему расскажу.

– Э-э-э, нет. Сейчас три часа ночи...

– Потом мне смелости не хватит, – заявила Изабель рассудительно, и вновь приложила к бутылке. – Просто пойду туда, постучу в окно и признаюсь.

– Ты хоть знаешь, в какое окно стучать?

– Не-а.

Джордан живо вообразил себе сцену: пьяная Изабель Лайтвуд среди ночи будит Джослин и Люка.

– Изабель, *нет*, – он потянулся, чтобы отнять бутылку, но она ловко отдернула руку.

– Я, кажется, поменяла свое мнение, – сообщила она Джордану угрожающе, глядя на него замутненным взглядом. – Думаю, ты мне совсем не нравишься.

Изабель поднялась, с удивлением посмотрела на свои ноги – и повалилась. Джордан еле успел подхватить ее прежде, чем она упала на пол.

7

Метаморфоза

Клэри допивала у Таки третью чашку кофе, когда наконец-то вошел Саймон. На нем были джинсы, красная толстовка на молнии (зачем носить пальто, если не чувствуешь холода?) и кожаные сапоги до колен. Пока он пробирался к ней, петляя между столиками, люди оборачивались на него. Пока он приближался, Клэри отметила, что Саймон очень похорошел с тех пор, как Изабель взялась за его гардероб. В темных волосах Саймона запутались снежинки, но в отличие от Алека, его щеки оставались бледными. Он сел на диванчик напротив Клэри и поднял на нее свои темные блестящие глаза.

– Звонила? – спросил он нарочито глубоким низким голосом, подражая графу Дракуле.

– Если быть точной, писала, – Клэри придвинула к нему меню, заранее открыв страницу для вампиров. Она ее уже изучила, и при мысли о кровавом пудинге и молочном коктейле с кровью ей стало плохо. – Надеюсь, не разбудила.

– Ни в коем разе, – сказал Саймон. – Ты не согласишься, где я...

Тут он заметил выражение ее лица и замолчал.

– Эй, – Саймон осторожно приподнял подбородок Клэри. Смешливость в его глазах сменилась тревогой. – Что случилось? Что-то с Джейсом?

– Определились, что будете заказывать? – синеглазая фея-официантка Кэйли, в свое время вручившая Клэри Колокольчик Королевы, стояла возле столика. Она улыбалась с высокомерным видом, и Клэри заскрежетала зубами.

Заказав кусок шарлотки для Клэри и горячий шоколад с кровью для Саймона, Клэри сделала глубокий вдох и рассказала ему все, что случилось ночью, ни упуская ни одну деталь: явление Джейса; его слова; скандал в гостиной; и, наконец, ранение Люка. Она не умолчала и о том, что Магнус рассказал о пространственно-временных карманах и как сложно выследить там кого-то или передать сообщение. С каждым новым словом глаза Саймона становились все темнее, и когда Клэри закончила, он сидел, обхватив голову руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.